

Сказки старого Вильнюса II

Автор:

Макс Фрай

Сказки старого Вильнюса II

Макс Фрай

Сказки старого Вильнюса #2

В Старом Городе Вильнюса 108 улиц, и на каждой что-нибудь да происходит. Здесь оживают игрушечные псы и взлетают сколоченные из фанеры самолеты, художники дорисовывают реальность по своему вкусу, фокстрот отменяет смерть, удивительные существа разыгрывают счастливые судьбы то в карты, то в лотерею, никогда не знаешь, кому и когда повезет, а выдуманные трамваи увозят гостей на веселую ярмарку, откуда, впрочем, всегда можно вернуться к тем, кто нас любит и ждет.

Макс Фрай

Сказки старого Вильнюса II

Книга публикуется в авторской редакции

© Рената Магзумова, иллюстрации

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Улица Антоколскё (M. Antokolskio gatve)

Шесть чуд

- Теперь будешь волшебник.

Целую секунду думал: «Где я? Кто я? Зачем?» Потом сообразил, что для начала неплохо бы открыть глаза.

И ответы на вопросы, возможно, появятся сами.

Ну, или не появятся.

Ответ на первый вопрос: в гостиной у Иоланты. На диване. Зашел, называется, проведать родню. И тут же заснул сидя, вот молодец.

Ай, ладно. Я после дежурства. Сестричка простит.

Ответ на второй вопрос: я - Томас. Доктор Томас - это я, такие дела. И хватит об этом.

Ответа на третий вопрос нет и не будет. По крайней мере, явно не сейчас.

- Я сделала волшебную палочку. И тебе дарю. Теперь будешь волшебник!

Племянница Элька забралась на колени, машет перед носом сухой веточкой, завернутой в малиновую фольгу от шоколада.

Переспросил:

– Это мне?

Элька серьезно кивнула.

– Ты в прошлый раз говорил маме, что ты не волшебник. И был такой грустный. А теперь будешь волшебник, потому что я сделала для тебя волшебную палочку на шесть чуд.

Элька с тех пор, как научилась считать, очень любит число шесть. Назначила его самым главным и самым сказочным числом в мире. Кто ее разберет почему.

Подумал: надо же. Дети – загадочный народ. Никогда заранее не знаешь, что из наших взрослых разговоров они услышат и запомнят. И как это поймут. И что из этого воспоследует. Но Элька-то у нас какая молодец. Подслушала разговор, выяснила, что дядя Томас не волшебник, и вместо того, чтобы навек разочароваться на радость своим будущим психоаналитикам, тут же придумала, как исправить ситуацию. Все бы так.

Сохраняя серьезность, поблагодарил племянницу, спрятал блестящую палочку во внутренний карман.

– Только не забудь, когда шесть раз поколдуешь, чужды закончатся, – предупредила Элька. – Ты не плачь тогда!

Пообещал:

– Не буду плакать. Шесть чудес – это очень много. Мне хватит.

От обеда наотрез отказался. Сказал сестре: «Ну его к черту, лучше просто свари мне кофе, от еды совсем развезет. А мне бы до ночи на ногах продержаться».

– Опять работать? – сочувственно спросила Иоланта.

– Упаси боже. Я бы сейчас наработал, пожалуй. Ко мне друг приехал, завтра утром опять умотает. Если не погуляю с ним сегодня, все локти потом искусаю. Он редко до меня добирается.

– Самое время гулять, – вздохнула сестра. – Погодка что надо. Эх вы, счастливики.

Погода, к слову сказать, была вполне ничего – для декабря. Минус два – не минус двенадцать. Небо затянуто облаками, но их них, хвала Небесной Канцелярии, ничего не сыпется и не льется. И ветер с реки просто зябкий, а не такой студеной, как обычно в эту пору.

Грех жаловаться.

* * *

– Я все продумал, – бодро сказал Томас. – Будем передвигаться короткими перебежками, от кофейни к кофейне. Мерзнуть и греться, мерзнуть и снова греться. И так – до упора, пока на ногах стоим. Правда здорово?

– Из огня, стало быть, опять на лед. Похоже, что вы уготовили мне ад уже на земле[1 - Томас Манн «Доктор Фаустус», перевод с немецкого С. Апта и Наталии Ман.], – продекламировал Юл, ходячий сборник неопознаваемых цитат.

Выглядел он, впрочем, совершенно довольным.

Четыре часа, пять чашек кофе, три глинтвейна, флягу коньяку и полбутылки рому на двоих спустя, оба не чувствовали ни кончиков замерзших пальцев, ни земли под ногами, были невесомы, как лунные жители, возбуждены и громкоголосы, как вырвавшиеся из-под опеки подростки, на языках, как в старые времена, плясал веселый огонь – все равно, о чем говорить, какие слова бросать в эту ненасытную топку, лишь бы не умолкать, не успокаиваться, не останавливаться, не вспоминать об усталости, не поворачивать в сторону теплого дома – успеется, потом, не сейчас, мы только разыгрались.

Томас сам не знал, за каким лешим полез во внутренний карман – бумажник на улице был без надобности, а ничего иного за пазухой у него обычно не хранилось. Вытащил палочку, завернутую в малиновую фольгу, расплылся в улыбке:

– О! Гляди, что у меня есть. Элькин подарок. Волшебная палочка. Да не простая, а на целых шесть чуд.

– Полезная штука, – одобрил Юл. – Давай колдовать, раз так.

– Давай. Заказывай. Чего хочешь?

Они как раз свернули под арку, на Антоколскё, освещенную не фонарями, а несколькими бледными окнами. Летом здесь приходится пробираться бочком, потому что всю узкую непроезжую мостовую занимают столы, выставленные из кафе «Рене», а стулья то и дело норовят выбраться на тротуары. Но сейчас пусто, ни столов, ни прохожих, ни толстых дворовых котов, ни даже голубей. Необъятный простор и ничего священного[2 - Ответ Бодхидхармы на вопрос императора Лян Уди о главной истине Учения.], мог бы продекламировать Юл, если бы не был так занят сочинением грядущих чудес.

– Хочу, чтобы в городе зацвел шиповник, – наконец объявил он. – Ну хотя бы только ближайший куст, – и убедительно ткнул указующим перстом куда-то в темноту двора.

– А там точно есть шиповник? Никогда не замечал.

– Да точно, точно. Помню, как он цвел на этом самом месте в позапрошлом августе. Ты каких-то знакомых девиц в кафе заметил и побежал охмурять, а я от скуки занялся прикладной ботаникой. Все окрестные цветы перенюхал, тебя дожидаясь. Неужели не помнишь?

– Конечно, не помню. Но верю тебе на слово, – кивнул Томас и взмахнул Элькиной палочкой. – Пусть зацветет шиповник во дворе!

Ничего, конечно, не произошло. Впрочем, двор был такой темный, что поди проверь. И шли-то почти наугад, наощупь. Если в подобных обстоятельствах вам

вдруг приспичит вообразить, будто где-то неподалеку расцвел куст шиповника – на здоровье. Реальность в темноте становится смиренной и сговорчивой, мнения своего прохожим не навязывает и причудам их фантазии особо не препятствует.

– Надо бы теперь тепла наколдовать, – спохватился Томас. – Твоему шиповнику этот наш дурацкий минус совсем не понравится. Как думаешь?

– Ни в чем себе не отказывай. Чего ты меня спрашиваешь? Палочка-то у тебя.

– Палочка у меня, а чудеса – твои. Я же сам тебе предложил заказывать. А тут целое желание, получается, корыстно отбираю. Вопреки законам гостеприимства.

– Ничего, я тоже погреться не откажусь. Только смотри не переусердствуй. Не больше плюс десяти. Все-таки не апрель какой-нибудь на улице. А лютый теоретически декабрь. Совесть надо иметь.

– Ну да, чтобы братья-месяцы рыла нам не начистили за усердие, – ухмыльнулся Томас.

Снова взмахнул Элькиной палочкой, приказал:

– Пусть потеплеет до плюс десяти!

В глубине души, смешно сказать, надеялся: а вдруг получится? Оттепель сейчас не помешала бы. Хоть на пару часов. Очень уж замерз, а домой пока совершенно не хочется. Когда еще так погуляем.

Но теплее, конечно, не стало. Разве что совсем чутьчуть. Нос, по крайней мере, мерзнуть перестал, и к рукам понемногу возвращалась чувствительность. Впрочем, это можно было списать на совокупное действие всех употребленных в ходе прогулки напитков. В какой-то момент они просто обязаны были сработать. Так почему бы не сейчас.

– А еще пусть в ваших краях немедленно заведется птица шухшнабель, – неожиданно потребовал Юл.

– Кто-кто пусть заведется?

– Птица шухшнабель. Она же королевская цапля. По-арабски абу-маркуб, отец башмака. По-русски китоглав. Никогда не видел? Неудивительно. Они только в болотах Африки водятся.

– Как тебя туда занесло?

– Не занесло. Я шухшнабеля в зоопарке встретил, кажется, в Цюрихе. Отличается от прочих птиц примерно как жираф от остальных млекопитающих. То есть натурально инопланетянин. Вооот такенный клюв, – Юл убедительно развел руки в стороны. – Как с такой конструкцией можно взлететь – неведомо. Однако летает, факт. Меня от его вольера силой уводили, любовь с первого взгляда. Поверь на слово, дружная стайка таких птиц украсит любой город. А уж Вильнюс и подавно.

Этому городу вообще все к лицу.

– Ладно, хорошо. Пусть у нас будет птица шухшнабель, – кивнул Томас.

И взмахнул Элькиной палочкой.

– Если уж возможна птица шухшнабель, значит, возможно вообще все, – решил Юл. – Поэтому четвертым пунктом у нас с тобой будет лестница в небо.

– Stairway to Heaven?

– Йес, сэр. Она же Лестница Иакова, мирадж Магомета, со следами Будды на нижней и верхней ступеньках. Лестница с горных небес, по которой ангелы и духи поднимаются в течение дня продолжительностью в пятьдесят тысяч лет... Впрочем, нет, это как-то слишком.

В течение дня, и точка.

– Лестница в небо, договорились, – легко согласился Томас. – Стало быть, теперь небеса станут отворяться для нас на одну ночь в году?

– На самом деле лучше бы почаще. И не в какой-то конкретный день, а наугад, как получится. И всякий раз в новом месте. Непредсказуемо. Чтобы никто не мог подготовиться заранее. На небеса следует попадать внезапно, ошарашенным, счастливым и благодарным за такую удачу, иначе – нечестно.

– Ладно, как скажешь.

И, направив Элькину палочку строго вверх, объявил:

– Желаем, чтобы время от времени с неба в город спускалась лестница, и каждый, на чьем пути она окажется, мог бы воспользоваться такой оказией и добраться до каких-нибудь таких небес, где ему непременно понравится.

Замаялся и поспешно добавил:

– Но и остальным пусть будет с этого прибыток. Пусть весь город продувает в такие дни небесным сквозняком, чтобы легче дышалось нам всем. Чтобы был в нашей жизни хоть какой-то смысл... Вернее, чтобы смысл, который и так есть, становился наконец очевиден.

– Годится, – одобрительно кивнул Юл. – Так гораздо лучше, чем просто лестница для отдельных праведников и прочих счастливиц. И при таком раскладе мне хотелось бы приезжать сюда почаще. Обидно было бы все пропустить. Это – заказ.

– Не вопрос, – улыбнулся Томас. И взмахнул палочкой. – Пусть Юл приезжает сюда почаще. Например... – и адресовал другу вопросительный взгляд.

– Ну, хотя бы пару раз в год, – вздохнул тот. – А еще лучше – раз в месяц. Хотя совершенно не представляю, как это организовать. На чудо одна надежда.

– Раз в месяц, – твердо сказал Томас. И еще раз взмахнул палочкой для закрепления успеха.

– Отлично, – Юл улыбался до ушей. – Будущее мое, таким образом, начинает становиться вполне лучезарным.

- И при этом у тебя осталось еще одно желание, - напомнил Томас.

- Оставь его себе. Заначь на черный день. Пусть будет. Мало ли, чего тебе завтра в голову взбредет.

- Завтра ты уедешь. И настроение будет уже совсем не то.

- Вот именно поэтому, - кивнул Юл. И веско повторил: - Именно поэтому.

- Ладно, как скажешь. Тогда пойдем поищем какой-нибудь путевый бар. Потому что лично я замерз как цуцик. Какие-то хреновые плюс десять у нас с тобой получились.

- Ну уж, какие есть, все наши, - безмятежно отвечивал Юл.

Домой возвращались уже за полночь.

- Вот же черт! - внезапно выругался Юл возле самого подъезда.

- Кто тебя обидел, прелестное дитя?

- В лужу вляпался, - сердитой скороговоркой объяснил он. - Полечу завтра весь такой прекрасный в замызганных штанах, переодеться-то не во что. В твои я при всем желании не влезу.

- Где ты лужу-то нашел? Они уже недели две как замерзли.

- Когда они замерзли - это тебе виднее. Но в честь моего визита, как видишь, решили растаять. Чтобы оставить в моей жизни неизгладимый след. В смысле неисчищаемый.

- Смотри-ка, и правда все растаяло, - изумился Томас. - Ну надо же. Выходит, оттепель мы с тобой всетаки наколдовали. Такие молодцы. Слава нам!

– Всегда знал, что за колдовство полагается зловещее возмездие, – проворчал Юл. – Но не предполагал, что выйдет настолько досадно. Хоть плачь.

– Плакать нельзя, – вспомнил Томас. – Элька не велела.

– Тогда не буду. Маленьких девочек надо слушаться.

Этот мир принадлежит им.

* * *

После почти двух суток на ногах спал как убитый. Сквозь сон слышал, как бродит до дому Юл, шумит вода в ванной, гремит кухонная посуда, но не смог даже открыть глаза. Неубедительно пробормотал что-то вроде: «Надо же тебя отвезти», – и тут же заснул крепче прежнего, так и не услышав ответ: «Не говори ерунду, вызову такси».

Проснулся только в полдень, от телефонного писка. Прочитал сообщение: «Я уже прилетел». Озадаченно покачал головой – вот это заспался! Из больницы ни разу не звонили, значит, там все в порядке. Лучшая новость – отсутствие новостей, в моем случае это чистая правда. Значит – что? Значит, можно просто отдыхать дальше. Ну надо же.

Нажал кнопку кофейного аппарата, подошел к окну. Стоял, уткнувшись носом в стекло, слушал, как фыркает умная машина. Без особого интереса привычно взглянул на градусник – сколько там у нас? Сегодня, впрочем, это не имеет особого значения, если холодно, можно просто сидеть дома, какое сча... Что?!

На градуснике было плюс десять. И на солнечные лучи не спишешь, пасмурно. Да и вообще северная сторона, тут всегда тень.

Подумал: наколдовали все-таки оттепель, ай да мы! Отлично погуляли, ничего не скажешь.

Понятно, что просто совпадение. Но какая разница. Все равно здорово.

Написал Юлу: «А у нас, между прочим, плюс десять». Тот сразу же ответил: «Неудивительно. Когда я выходил, уже было плюс семь».

Минуту спустя, когда сделал первый глоток кофе, телефон снова брякнул. «Проверь, как там мой шиповник», – написал Юл.

Делать больше нечего. Шутник хренов. Впрочем, на его месте и сам так бы пошутил.

Делать мне больше нечего, – думал Томас, пока кофейная машина трудилась над второй порцией. Делать мне больше нечего, говорил он себе, изумленно разглядывая в интернете удивительную птицу шухшнабелякитоглава. Делать мне больше нечего, – твердо сказал Томас, отправляясь к машине за третьей чашкой кофе. Делать больше нечего мне, мне нечего делать больше, нечего больше мне делать, – повторял, меняя слова местами, для разнообразия, чтобы самому себе не надоест с этим рефреном.

Все равно надоел. И стал одеваться. В такой прекрасный день, плюс десять в декабре, любой повод выйти из дома – благо. Даже такой дурацкий. Тем более, пройтись в Старый Город, до Антоколскё и обратно, полчаса в один конец, если не спешить, лучше не придумаешь.

В конце концов в прошлом году в декабре у нас цвели каштаны, думал Томас. А в поза-позапрошлом форзиция, во дворе на Бокшто. Оттепель в декабре – это нормально. Хотя, конечно, каждый раз кажется чудом. Каковым, строго говоря, и является.

Но как бы здраво ни рассуждал, а свернуть во двор на Антоколскё не решался долго. Целый час кружил в окрестностях. Постепенно сужал радиус нарезаемых кругов, а позавтракав в кулинарии на Стиклю, внезапно преисполнился храбрости. Сказал себе: что бы ни зацвело нынче в городе, я это переживу. Случались со мной вещи и пострашнее цветочков. Знаю, висел я в ветвях на ветру[3 - Цитата (без явного повода) отсылает нас к «Речам Высокого» из «Старшей Эдды»:Знаю, висел я в ветвях на ветру девять долгих ночей, пронзенный копьем, посвященный Одину, в жертву себе же, на дереве том, чьи корни сокрыты в недрах неведомых.]. И все в таком роде.

Вышел и сразу свернул за угол, на Антоколскё. Прошел под аркой, мимо шляп на витрине кафе «Рене», прямым во двор, где, по заверениям Юла, рос куст шиповника, которому вчера было велено зацвести.

Думал, что готов к чему угодно. Ну, то есть к двум вариантам, как в анекдоте про блондинку, встречающую динозавра: шиповник либо цветет, либо нет. Однако реальность припрятала в рукаве козырный туз и теперь с нескрываемым удовольствием выложила его на стол.

Юл, похоже, все перепутал. Немудрено, в незнакомом городе поначалу чуть ли не все дворы на одно лицо. И в этом дворе шиповник явно не рос. Во всяком случае, ни одного мало-мальски колючего куста, усеянного почерневшими от мороза ягодами, Томас не заметил.

Однако других кустов, по-зимнему голых и потому неопознаваемых здесь хватало. И все они были украшены цветами, вырезанными из бумаги. Несколько штук вполне хватило бы, чтобы остановиться, придерживая рукой ошалевшее сердце, но их были – сотни. Бело-розовая бумажная мишура кипела и пенилась, сладко шуршала от прикосновений южного ветра и, кажется, даже благоухала, хотя в этом вопросе Томас не стал бы доверяться органам чувств. Чего только не примерещится, когда ты обескуражен, совершенно сбит с толку и – что это за непривычное, но все же смутно знакомое ощущение? – да, именно. Счастлив.

Шел потом по городу – пальто нараспашку, улыбка до ушей, глаза, если верить отражениям в витринах, совершенно бешеные. Думал: интересно, как станет теперь выкручиваться птица Шухснабель, почтенный Отец Башмака? Найдет ли себе рыбу по вкусу в наших холодных реках? Зато за Небесную Канцелярию можно не волноваться, уж эти всегда выкрутятся, и лестниц у них, небось, видимо-невидимо, и небесные сквозняки дуют без наших просьб, ныне и присно, во веки веков, на сквозняках этих земля стоит. На сквозняках и еще, надо понимать, на клювах птиц-китоглавов, аминь.

То и дело нащупывал во внутреннем кармане Элькину веточку. Думал: еще одно чудо у меня в запасе. Все что угодно могу натворить. То есть, вообще все, что взбредет в голову, я – могу. И весь мир сейчас приподнялся на цыпочки,

смотрит на меня, слушает, ждет, чего я решу.

Подумал: если так, я знаю, что делать.

Достал из кармана волшебную палочку, взмахнул ею, для пущей убедительности вычертил в воздухе завалившуюся на бок восьмерку, общеизвестный символ бесконечности. Очень строго, как легкомысленному пациенту перед выпиской, сказал:

- Пусть чуды никогда не заканчиваются.

Конечно, не заплакал.

Улица Арсенало (Arsenalo g.)

И муравей

- Столько всего было. Господи боже, столько всего. А что впереди? Зима, дружище. Только чертова зима.

Двое мужчин сидят на лавке у реки. Лицом к воде, спиной к Арсенальной улице, башне Гедиминаса и повисшей над ней по-летнему сизой туче.

Один плотный с рыжеватыми усами, уже тронутыми инеем седины, неброская практичная демисезонная куртка Timberland, неброские практичные ботинки той же марки, хоть сейчас в каталог – при условии, что перестанет хмуриться так, словно только что проглотил грядущий ноябрь. Второй, тощий, загорелый и жилистый, как лесоруб, кутается в тонкий, не по погоде, просторный серый плащ. Разглядывая его потертую шляпу, Шерлок Холмс мог бы надиктовать Ватсону захватывающий роман на шестьсот страниц, мы же лишь скромно осмелимся предположить, что владелец исследуемого головного убора знал хорошие времена, но было это, прямо скажем, не на прошлой неделе. И даже

не год назад.

...- Ну, зима, – говорит усатый. – И что с того? Хорошее время. Снег, морозные узоры на стекле, Рождественские огни. Красиво. Не драматизируй на пустом месте.

– В родительском доме, который за каким-то чертом на меня свалился, до сих пор печное отопление. Ты в курсе, почему нынче дрова? У меня до сих пор волосы дыбом от этой информации.

– Ну так установи газовую колонку.

– Совсем ты с ума сошел. Знаешь, сколько это стоит?

– Да нормально стоит, не выдумывай.

– Не хотелось бы ранить твое нежное сердце, Адам. Но в мире полным-полно людей, для которых «нормально стоит» – это, к примеру, пятьдесят литов. Которые, впрочем, тоже еще надо где-то добыть. И я – один из них. – Прости. Не подумал.

Какое-то время они сидят молча.

– А чего ты ее не продашь? – наконец спрашивает усатый. – В смысле квартиру. Тебе одному такая здоровенная все равно не нужна. Купил бы, к примеру, студию. У нас в Новом Городе сейчас заброшенные заводы под жилье активно перестраивают – ну, лофты, как в Америке. Отличные получаются квартиры, маленькие и недорогие, и от центра не то чтобы далеко. А на разницу жил бы себе долго и счастливо.

– Я тоже так думал. А на самом деле эту чертову хату сейчас даже за половину рыночной цены не продашь. Кризис. Говорят, надо подождать несколько лет. Несколько лет, ты только вслушайся. Звучит, как злая шутка.

– А сдать?

– Квартиру с печным отоплением и без горячей воды? Где последние сорок лет ни хрена не ремонтировали, только потолки изредка белили? Не смейся. В такой и бесплатно мало кто жить согласится. Я бы, к примеру, ни за что не согласился, если бы у меня был хоть какой-то выбор. И, пожалуйста, не говори, что ремонт – проблема решаемая. Для меня – нерешаемая.

– Ладно, не буду говорить. Хотя на самом деле... Ай, ладно.

Снова молчание. Тощий использует паузу, чтобы достать кисет и на коленке слепить самокрутку. Усатый набивает пенковую трубку, изрядно пожелтевшую от времени и хозяйских рук.

– Йошка, – говорит наконец он. – Мать твою, Йошка. Как же так, а. Ты же был лучший на курсе. А может, вообще самый лучший – из всех выпусков, за все годы. Некоторые профессора так говорили, я слышал. Ты же, в отличие от всех нас, мог выбирать любую жизнь. Вообще любую, какую захотел бы.

– А я и выбрал какую хотел.

– Правда, что ли? – Правда.

Новая пауза так щедро заполнена вороньим гвалтом, словно птицам поручили продолжить беседу, пока люди курят и молчат.

– Я много лет жил, как хотел, – наконец говорит тощий Йошка. – Грех жаловаться. объездил полмира. Для тебя это, знаю, пустяки, дурная суета, а для меня – самое важное. Быть везде, видеть и слышать все, играть – для всех, кого бог пошлет. При всяком удобном случае. Я играл в захолустных оркестрах и шикарными кабаках. На деревенских свадьбах и на палубах круизных лайнеров. В ночных клубах и на туристических улицах, в студийных подвалах и на городских крышах – по ночам, пока все спят. Чего только не было, Адам. Чего только со мной не было. Порой спал где и с кем попало, а порой на долгие

месяцы запирался от всех в первой попавшейся съемной конуре. Деньги тратил без счета, не жалея, свои и чужие. Но и окурки на улицах собирал не раз. Видишь, у меня с собой банка из-под китайского чая? Это чтобы их потрошить. Докуривать за чужими всегда брезговал, а в самокрутки – ничего, сойдет... Зато и настоящих кубинских сигар я выкурил больше, чем ты съел пирожков с капустой. Хотя, уверен, их в твоей жизни было предостаточно. Твоя мама их знатно пекла. И Ляльку наверняка научила. Скажешь – нет?

– Научила, конечно. А ты не думал, чем это может кончиться? Вся эта твоя развеселая жизнь?

– Конечно, не думал. Зачем думать, когда и так знаешь? Но другой жизни мне не было надо, вот в чем штука дружище. И если ты считаешь, будто я сам выбирал, каким уродиться, ты ошибаешься. Во всяком случае, ничего подобного не припомню.

– Жаль, что так все вышло, – вздыхает усатый. – Очень жаль, Йошка. Не тебя лично. Вообще – жаль.

– Ты погоди, – говорит тощий. – Вот буквально минуту погоди, а потом жалея, если сможешь.

Жестом фокусника достает из-под плаща футляр, из футляра – кларнет.

– Ого. Когда это ты духовые освоил?

– Ай, чего я только не освоил. Рояль за собой по свету особо не потаскаешь. И это, знаешь, даже к лучшему. После шести-семи инструментов начинаешь понимать, что можешь вообще все. Это как проснуться и обнаружить, что говоришь на всех языках, включая птичьи и звериные. Вернее, что отныне все языки – один язык. Для тебя. И для тех, кто окажется рядом. А теперь послушай, что я тебе скажу, Адам. Просто послушай.

Он подносит кларнет к губам. Начатая было Мессиановская «Бездна птиц» внезапно сменяется «Голубой рапсодией»; в какой момент заканчивается

Гершвин и начинается импровизация, определить не может даже Адам, опытный концертмейстер, выдающийся авторитет.

Выдающийся авторитет сидит на лавке, закрыв лицо руками, потому что сам не знает, смеется он или плачет сейчас, когда твердая скорлупа неба вдруг треснула над его головой, и звук стал светом, свет – ангельским смехом, а смех – благодатным огнем, который, оказывается, был всегда, внутри и снаружи, везде, всем.

Тощий Йошка играет долго. Четверть часа, почти вечность.

Потом они молчат. И это тоже вечность, но другая. Не такая пронзительная. Но, как и музыка, совершенно необходимая. Хотя бы для того, чтобы наскоро заделать трещину в небе. Косметический ремонт, утешительная иллюзия. А все равно.

– Я больше не знаю, кто из нас дурак, – наконец говорит Адам.

– Да нечего тут знать, – безмятежно отвечает Йошка. – Оба дураки. Но это не беда, людям так положено.

– И еще я не знаю, какого черта я – не ты, – горько добавляет Адам.

– Не факт, что тебе понравилось бы.

– Сам знаю, что не факт.

– Тебе совсем не надо быть мной. Ты и так самый лучший. Ты умеешь слушать, как никто. И всегда умел. Только поэтому я тебя и разыскал. Я сейчас очень хорош, дружище. Не знаю, почему именно сейчас, и сколько еще мне отпущено, но сегодня это – так. Поэтому мне позарез нужен слушатель вроде тебя. Чтобы смысл, заключенный во мне, не растратился совсем уж впустую, пока я играю на рассвете для голубей и ворон. И вот сбылось. Я играл, ты слушал, все у нас с тобой получилось, дружище. Теперь мне вообще ни черта не страшно. Пусть приходит зима. Плевать.

– Я пригоню тебе грузовик дров, – говорит Адам. – Знаю, где дешево взять, сосед кума ими как раз торгует, уступит по знакомству. У тебя хоть есть, куда складывать?

– Во дворе полно дурацких дровяных сараев, – безмятежно отвечает Йошка. – Какой-то из них наверняка мой. Надо будет спросить соседей.

Улица Бернардину (Bernardinu g.)

Какие сны

Командировка предстояла непростая, да и дома осталась куча проблем, вполне решаемых и оттого еще более неприятных. Вероятно поэтому в дороге снилась совершенно дикая смесь самых ненавистных кошмаров – про инопланетян, про школу и про опоздание на поезд. Очень обидно – до сих пор в поездах всегда удавалось превосходно выспаться, несмотря на слишком короткую узкую полку, соседский храп и побудки на границах. Знал бы, что так выйдет, полетел бы утренним самолетом, потратив вечер и ночь с куда большей пользой, ну да чего теперь локти кусать.

Плохие сны всегда выбивали из колеи куда больше, чем следовало бы. Сколько ни тверди себе, что сон – это всего лишь сон, привычный камень, по умолчанию прилегающий к сердцу, становится столь тяжек, что поневоле начинаешь чуть ли не мечтать о реальных неприятностях – просто чтобы отвлечься. Вот и нынче утром из зеркала в туалете глядело существо столь несчастное, что чуть не разрыдался от жалости – не к себе, к нему, ни в чем не повинному жителю зазеркалья. Брил его бережно, как никогда прежде, а потом угостил двойной порцией кофе, благо в этом поезде подавали не растворимый, а натуральный – приятный сюрприз, все бы с литовских железных дорог пример брали.

Карту города, как всегда, тщательно изучил заранее, еще дома – эту часть подготовки любил едва ли не больше, чем само путешествие, и никогда не жалел на нее времени. Поэтому решительно отказался от услуг таксистов, пошел пешком. Правильно сделал – пока шел через Старый Город, настроение,

испорченное дурными снами, как-то само собой выправилось. А порция эспрессо в крошечном, на два столика, кафе с оранжевым ромбом над входом, взбодрила, как рюмка коньяка. Отправился дальше, бормоча под нос невесть почему всплывшую в памяти песенку из детского радиоспектакля про трех поросят: «Нам не страшен серый волк, серый волк, серый волк».

О да. Нам настолько не страшен серый волк, что, когда он приходит к нашему дому, все продолжают заниматься повседневными делами, не обращая внимания на опасного гостя, разве только кивнут ему вежливо на бегу – если заметят.

Но это наяву. Во сне – совсем иное дело.

Ай, к чертям собачьим сны. Забудь. Проехали.

Гостиница оказалась даже лучше, чем ожидал – небольшой отель «Шекспир» на улице Бернардину. Холл напоминал антикварную лавку накануне распродажи, завтрак был обилен, как далеко не всякий официальный обед, а на дверях номеров висели таблички с именами известных писателей. Увидев на своем «Джеймс Джойс», вздохнул с облегчением – хорошо, что не Стивен Кинг. И даже не Эдгар По. Впрочем, по уверениям персонала, в честь этих двоих номера называть не стали.

Очень предусмотрительно.

С первой порцией командировочных дел удалось благополучно покончить еще до наступления вечера. Сэкономленное время употребил с пользой и удовольствием: бродил по городу, наблюдая, как овеществляются отпечатавшиеся в памяти схемы заранее намеченных маршрутов, как на месте тонких неровных линий возникают булыжные мостовые, а серые квадраты превращаются в разноцветные дома: красный, желтый, лиловый. Заходил во все приглянувшиеся кафе – где-то ел, где-то пил кофе или пропускал рюмку местной крепкой медовухи, от которой становилось жарко, не в животе, не в груди, а где-то снаружи, в районе тени, как будто все спиртное доставалось ей.

Набегался так, что был уверен – сон придет, как только голова коснется подушки. Однако проворочался часа полтора, вставал, курил, высунувшись по пояс в распахнутое окно, пил воду, снова ложился, взбив подушки и перевернув одеяло. Наконец, уже за полночь, кое-как задремал.

Но вместо долгожданного отдыха сон принес очередную порцию пустых хлопот и дурацких приключений. Правда, в новых декорациях. Теперь хищные инопланетяне, обычно успешно атаковавшие Москву, беззастенчиво разгуливали по улицам красивого города Вильнюса. Они, как водится, намеревались заживо сожрать все местное население, кроме тех счастливиц, которым удастся сдать выпускной экзамен по физике. К месту проведения экзамена следовало добираться на поезде, уходящем в неизвестное время с почти бесконечно огромного железнодорожного вокзала, где не было ни перронов, ни касс, ни табло с расписанием – поди угадай, в какой вагон садиться, а ведь надо еще как-то раздобыть билет. К тому же, как это часто бывает в подобных сновидениях, вокзал обладал пренеприятнейшим свойством – оттуда в любой момент могло вышвырнуть обратно, на одну из городских улиц, прямо в объятия прожорливых инопланетян; чудом уцелевшие были вынуждены опять пробираться на вокзал и заново приниматься за безнадежные поиски спасительного поезда. Дурная бесконечность, тошнотворная беспомощность, суета сует, все примерно как в жизни, только еще хуже.

Прятался от инопланетян во дворе своей гостиницы, которая во сне превратилась в барак, где жили недоеденные горожане, вжался в стену, втянул живот, откуда-то зная, что напряжение мышц пресса делает человека невидимым для хищников, и можно хоть как-то перевести дух. Думал – подобные мысли часто сопровождали кошмары – как жаль, что это не сон, как жаль, что нельзя взять и проснуться, господи, ну почему.

И тут на плечо легла легкая горячая рука.

– Полиция города Вильнюса. Вы задержаны, – сказал приятный женский голос. Почему-то по-русски. Но тут же повторил фразу по-польски, по-английски и еще раз, на до неузнаваемости изувеченном немецком. На этом выученные языки, надо понимать, закончились.

Скорее растерялся, чем испугался. Спросил:

– За что?

– За нарушение правил поведения в сновидении, – бесстрастно объяснила женщина.

– В сновидении?! Значит, это – сон?

Спасибо, господа.

Чуть не проснулся на радостях, но сильные руки женщины-полицейского каким-то образом удержали на пороге между сном и явью, а потом аккуратно вернули обратно, во двор гостиницы «Шекспир», которая еще не приняла первоначальный вид, но на барак уже походила гораздо меньше.

– Прошу прощения, – сказала служительница порядка, – но просыпаться пока нельзя. Сперва мы обязаны провести с вами разъяснительную беседу. Сожалею о доставленных неудобствах.

Хотел спросить: кто – «мы»? – но тут же сам увидел, что полицейских тут, как минимум, двое. Седой коренастый мужчина в форме стоял возле окутанной красноватым туманом арки, неназойливо перекрывая единственный путь к побегу.

Интересно, он правда думает, что я захочу убежать? От безобидных антропоморфных полицейских к хищным инопланетянам? Впрочем, не удивлюсь, если были прецеденты.

Обернулся, чтобы посмотреть на женщину. Она оказалась совсем юной, худенькой, с острым, как у лисички, носиком и роскошной копной каштановых волос, кое-как собранных в пучок, но уже отчасти вырвавшихся на свободу. Женщина тщетно старалась придать своему милому лицу если не суровое, то хотя бы бесстрастное выражение, но результат все равно подозрительно смахивал на приветливую улыбку.

Спросил:

– А что я, собственно, нарушил?

– Правила транстопографической миграции в ходе субъективного восприятия негативных онейрологических образов, – бодро отрапортовала юная служительница закона. И добавила: – Если говорить человеческим языком, вы задержаны за контрабанду кошмаров.

– Это как?!

Женщина нахмурилась, вероятно, подыскивая слова.

– А идемте-ка в подвал, – неожиданно предложил ее коллега. – У нас там какое-то, а все же служебное помещение оборудовано. Чего тут стоять.

Как это часто бывает во сне, слов оказалось достаточно для совершения действия, полицейский еще не договорил, а вокруг уже встали стены, неровные, полупрозрачные, словно бы изготовленные из зеленого бутылочного стекла. Зато потолок был совершенно обычный, к тому же затянутый по углам паутиной и нуждающийся в срочной побелке.

По полу были разбросаны разноцветные объекты удивительных форм и непонятого назначения; впрочем, в одном с горем пополам удалось опознать вязаную модель Ленты Мёбиуса, полосатую, как девичий шарф.

– Ой, – смутилась женщина, – простите, тут не прибрано. Это моя вина.

Неопознаваемые предметы исчезли.

– Так вот, – флегматично сказал мужчина-полицейский, – контрабанда кошмаров – это то, чем вы здесь полночи занимались. Разумеется, каждый гражданин имеет право увидеть столько страшных снов, сколько пожелает. Но, согласно статье сто шестьдесят четвертой муниципального онейроадминистративного кодекса, приезжим запрещается переносить действие своих кошмаров в Вильнюс. Потому что вы потом спокойно уедете домой, а все ваши ужасы останутся здесь. А мы, по правде сказать, со своими едва успеваем разобраться. В Вильнюсе всегда была непростая онейроэкологическая обстановка, а уж в последние годы хоть святых выноси... Впрочем, говорят, везде теперь так. Ничего удивительного, люди живут в состоянии постоянного информационного стресса, последствия закономерны. Вы нуждаетесь скорее в сочувствии, чем в порицании. Но мы обязаны

поддерживать порядок на подведомственной нам территории.

Слушал его, украдкой разглядывая свои руки. Столько раз читал о том, как важно посмотреть на руки во сне. И что? Руки как руки, было бы из-за чего шум поднимать, только безымянный палец левой почему-то позеленел и гнется во все стороны, как змея. Но во сне, наверное, так положено.

Спать, видеть сон и осознавать, что спишь, оказалось так здорово и необычно, что бубнеж полицейского вызывал не тревогу, а умиление. Приезжим, оказывается, что-то запрещается – ишь как. И что, интересно, мне сделают, если я сплю, и полицейские мне просто снятся?

Нет, ну в самом деле.

Спросил:

– А как вы можете меня наказать, если это мой сон?

– А нам и не надо вас наказывать. Наше дело – пресечь нарушение. Раньше за такие штучки полагалась немедленная депортация, а теперь... Ушам своим не поверил.

– Депортация? То есть человека высылали из страны, если ему что-то не то приснилось?

– Ну что вы такое говорите, – улыбнулась женщина. – При чем тут страна? Депортация в данном случае означает пробуждение, неужели не очевидно?

– Мне сейчас ничего не очевидно. Я же сплю. А во сне может случиться все что угодно.

– Да, это распространенное мнение, – согласился мужчина. – В любом случае после присоединения к Евросоюзу, правила изменились. Нас обязали проводить с нарушителями разъяснительные беседы в целях профилактики дальнейших рецидивов. Давайте начнем. Присаживайтесь, пожалуйста.

Хотел спросить – куда, собственно? – но не успел, потому что обнаружил себя почти утонувшим в огромном кресле-мешке. Полицейские же разместились на высоких кухонных табуретах, выкрашенных в оранжевый цвет. Сидели со строгими лицами и идеально прямыми спинами, но при этом болтали ногами, как дошкольники.

– Моего коллегу зовут Альгирдас, – сказала женщина. – А меня – Таня. Простите, что сразу не представились и не показали удостоверения. Впрочем, вы их и не потребовали.

Невольно ухмыльнулся.

– Это кем же надо быть, чтобы во сне – во сне! – первым делом требовать у всех удостоверения?

– Уж не знаю, кем для этого надо быть, но требуют регулярно, – флегматично заметил Альгирдас. – Сам порой удивляюсь. Казалось бы, спит человек, видит сон, себя почти не помнит, родную мать по имени вряд ли назовет, а все туда же – документы ему подавай. Поразительно.

– Кто будет говорить? – нетерпеливо спросила Таня.

– Начинай ты. Я за это дежурство уже сам себе надоел. Не удержался, спросил:

– А что, так много туристов страшные сны про Вильнюс видит?

– Много – не то слово, – вздохнул полицейский. – Как будто нарочно за этим приезжают.

– Теперь сосредоточьтесь, – строго сказала Таня. – И слушайте меня внимательно. Во сне это иногда бывает довольно трудно, но вы, пожалуйста, постарайтесь.

Кивнул:

– Договорились.

– Дело обстоит так, – начала она. – Вопреки распространенным представлениям о том, что сны являются исключительно порождением индивидуального сознания спящего, пространство сновидения не только объективно существует, но и до известной степени совпадает с участком так называемой реальности, фигурирующем в сновидении. Это понятно?

Из вежливости согласился:

– Понятно.

И честно добавил:

– Но не очень.

– Да, с непривычки это довольно трудно понять, – вздохнула Таня. – Что ж, считайте умственный труд чем-то вроде исправительного наказания за правонарушение. Ладно, попробую еще раз, на конкретном примере. Вот, предположим, сейчас вам снится, что вы находитесь в Вильнюсе. Это, безусловно, является прямым следствием ваших персональных впечатлений, полученных во время прогулки по городу. Но одновременно это означает, что существует участок сновидческого пространства, в той или иной степени соответствующий так называемому реальному Вильнюсу. То есть все, кому снится Вильнюс, попадают именно сюда, к нам – даже те, кто лег спать в Токио или, скажем, Нью-Йорке.

– О. Теперь, наверное, понятно.

– Вот и хорошо. Пошли дальше. То, что с вами происходит во сне – это сумма работы вашего сознания и особенностей того участка пространства сновидений, на котором вы в данный момент находитесь. То есть место действия, безусловно, влияет на ход вашего сновидения. Но и содержание вашего сновидения влияет на место! И когда ваше сознание – вот как сегодня – выплескивает на нашу территорию ваши персональные страхи, это... Ну все равно, как если бы вы привезли с собой полный чемодан этих неприятных инопланетян. И оставили их тут жить. Строго говоря, именно это вы и сделали, – и Таня укоризненно покачала головой.

Ответил, как первоклассник строгому завучу:

– Но я же нечаянно!

– Ну разумеется. В противном случае с вами разговаривали бы не мы. Теми, кто осознанно и намеренно причиняет ущерб пространству сновидений, занимается совсем другая организация. И порядки у них очень суровые. Уж я-то знаю, у меня сводный брат там служит.

– При этом хорошие и даже просто нейтральные сны про Вильнюс мы только приветствуем, – сказал Альгирдас. – Некоторые расцениваем как прямую благотворительность. В прошлом году мэрия Вильнюса даже учредила специальные награды для особо отличившихся сновидцев. В то же время, находясь у нас в гостях, вы имеете полное право видеть сколь угодно страшные сны, местом действия которых являются другие обитаемые и необитаемые пространства. Нас это не касается.

Буркнул:

– Вот спасибо.

– Мы также не станем вмешиваться, – бесстрастно продолжил полицейский, – если вам приснится страшный сон про Вильнюс в ходе пребывания за пределами нашего города. Ну и право местных жителей на любые кошмары с любым местом действия тоже никто не оспаривает, зато защищать их по мере сил мы, разумеется, обязаны. Не такие уж строгие у нас порядки, как видите.

Кивнул:

– Да, ничего так. Вполне можно жить.

К счастью, полицейские не уловили иронии.

– Теперь, когда вы более-менее представляете себе причины, вынуждающие нас ограничивать для приезжих свободу субъективного восприятия негативных онейрологических образов, мы обязаны предупредить вас, что при повторной попытке контрабанды кошмаров вы будете депортированы без дополнительных предупреждений, – бодро закончила Таня.

- То есть проснись?

- Совершенно верно.

Вздыхнул, не веря своему счастью:

- Как же это хорошо!

- Ну, вы учтите, пожалуйста, что мы не всегда можем успеть вовремя, - заметил Альгирдас. - Работы очень много, город велик, а людей не хватает.

- Это Вильнюс-то велик?

- В той своей части, которая является пространством сновидений, он огромен, - серьезно подтвердила Таня. - Вы даже не представляете, насколько.

- В общем, мы, конечно, справляемся, - сказал Альгирдас. - Но с большим трудом. Вся надежда, что после наших разъяснительных бесед хотя бы некоторые нарушители станут более ответственно относиться к своим сновидениям.

- «Более ответственно» - это как? Если бы от меня хоть что-то зависело, я бы ни единого кошмара в жизни не увидел. Неужели вы думаете, будто мне нравится видеть страшные сны?

- Ну, кто вас знает, - пожала плечами Таня. - Некоторым, говорят, нравится. Но это, конечно, скорее исключение, чем правило.

Сказал:

- Ладно, предположим. Я уснул, и мне снова начинает сниться этот дурацкий сон про инопланетян, устроивших резиденцию в Святой Анне. И что я могу

предпринять? Какие действия?

Полицейские растерянно переглянулись.

– Да откуда же мы знаем, – наконец ответила Таня. – Это ваше сознание. Как-то вы с ним, наверное, договариваетесь, если захотите. Вам видней.

Чуть не заплакал. Издеваются они, что ли?

– Да ни черта я с ним не договариваюсь. Чуть ли не каждую ночь всякая дрянь снится, устал от нее – сил нет. Как будто наяву мало проблем и бед. Так еще и во сне! И что делать?!

– Не надо так расстраиваться, – мягко сказал Альгирдас. – Мы правда не знаем. Мы же не психотерапевты. И даже не шаманы. Простые полицейские. Строго говоря, мы вообще – ваш сон. Не забывайте об этом, пожалуйста.

Опешил.

– Я-то думал, вы объективно существуете.

– Конечно, объективно, – согласилась Таня. – Объективней не бывает. Но это совершенно не мешает нам быть вашим сном. Нет никакого противоречия.

Помолчали.

– Вы говорили, что вам и наяву хватает бед, – внезапно сказала Таня. – Я, конечно, не специалист. Но на вашем месте я бы начала именно с этого.

– С чего – «с этого»?

– С той части вашей жизни, о которой вы говорите: «наяву». Попробуйте превратить ее в хороший сон – для начала. Возможно, больше ничего и не понадобится.

– Как, интересно, можно превратить дурную явь в хороший сон?

– Я, конечно, не специалист, – повторила Таня. – Но на вашем месте я бы просто постоянно твердила себе наяву: «Какой хороший сон».

Буркнул:

– Боюсь, это прозвучит не слишком искренне.

– Возможно, – согласилась Таня. – А все-таки имеет смысл попробовать. Потому что по сравнению с ночными кошмарами почти любая человеческая жизнь выглядит совсем неплохо, согласитесь.

Пожал плечами. Так-то оно так, но...

– Я очень сожалею, но время нашей беседы подошло к концу, – внезапно сказал Альгирдас. – У вас звонит будильник. Кстати, прекрасная музыка. Обычно люди под такие жуткие звуки просыпаются, что хоть сразу, с утра, чаю не попив, вешайся. А вы, выходит, небезнадежны.

Собираясь огрызнуться, что-то вроде: «Ну слава богу, а я-то переживал», – но телефон, поставленный на половину седьмого и правда принялся исполнять один из «Венгерских танцев» Брамса, поди проигнорируй такой концерт. Пришлось просыпаться.

Конечно, не выспался. Однако настроение было вполне ничего, а после первой чашки кофе выправилось окончательно. Приступая к завтраку, сказал себе: «Какой хороший сон», – и был искренен, как никогда. Действительно хороший, просто отличный сон про блинчики и омлет с ветчиной, всегда бы так.

Следующий хороший сон был про залитую солнцем улицу Бернардину, по которой так приятно идти пешком, сколь бы досадные хлопоты ни поджидали в конце пути.

Сон про деловые переговоры оказался, как и следовало ожидать, нервным и довольно утомительным. Но на кошмар он, слава богу, совершенно не походил. И люди при этом снились на редкость симпатичные, особенно в сравнении с давешними инопланетянами. И вид из окна переговорной – двадцать третий

этаж! – мог бы сделать честь любому сновидению.

После неожиданно приятного сна о телефонном звонке домой окончательно признал метод полицейского Тани рабочим. И торжественно объявил очередным хорошим сном долгую прогулку по ветренной набережной – в пиджаке нараспашку, с ванильным мороженым в дурацком вафельном рожке. Перспектива в ближайшее время увидеть малоприятный сон о простуде не пугала – причинно-следственные связи почти без сбоев работают, пока бодрствуешь, а во сне все иначе. Никогда заранее не знаешь, каких последствий ждать, и это хорошая новость. Гораздо лучше, чем можно было подумать еще вчера, наяву.

Два дня спустя, когда пришло время посмотреть увлекательный сон об отъезде домой, уже по дороге к вокзалу увидел припаркованную на углу полицейскую машину. У сидевшей за рулем молодой женщины была роскошная копна каштановых волос, ее плотно сбитый седой коллега курил, стоя снаружи. Хотел подойти, поздороваться, поблагодарить за отличный совет. Но в последний момент почему-то застеснялся. Подумал: а вдруг это только они мне снились, а я им – нет? Неловко получится.

* * *

– Вот этот дядька в костюме, – задумчиво сказала Таня. – С черной дорожной сумкой. Слушай, откуда-то я его знаю. Очень знакомое лицо. Обычно всегда могу вспомнить, а тут – никак. А ты не?.. Ай, ладно, неважно, он уже за угол свернул.

Улица Вильняус (Vilniaus g.)

Оставайтесь с нами

Кто-то должен ходить за хлебом, и пусть это буду я, потому что всякий раз, когда я говорю себе: хорошо бы погулять, – непременно выясняется, что времени нет совершенно. Даже жалкие полчаса – немыслимая роскошь для человека, у которого столько работы. Зато выйти за хлебом – нужное, полезное,

практически богоугодное дело, кто хочешь подтвердит. И работа милостиво соглашается немного потерпеть. За хлебом – это же двадцать минут туда-обратно, не больше.

«И даже меньше, – успокаиваю я себя, шнуруя ботинки. Сколько там идти до ближайшей пекарни, ерунда, ну».

Внутренний надсмотрщик, впрочем, уже подозревает неладное. Насупившись, наблюдает, как я одеваюсь. Дай ему волю, посадил бы меня на цепь, да руки короткие, и я выскакиваю на улицу, победно размахивая невесомой тряпичной сумкой.

А пробежав пару кварталов, вкрадчиво говорю себе: ничего страшного не случится, если я пойду не в ближайшую лавку, а в ту, которая чуть подальше. Какие-то лишние десять минут, зато прогулка. Весна, здоровье, движение, голову проветрить, жопу растрясти, ну же!

Внутренний надсмотрщик пронзительно верещит: «Нееееет!» Но на таком расстоянии от письменного стола и прочих орудий производства его возражения совсем несложно игнорировать. А когда я, благополучно добравшись до лавки-подальше, с лицемерным негодованием разглядываю полки – все не то, какая-то ерунда, а не хлеб, ну что ты будешь делать, – внутренний надсмотрщик уже лежит на внутреннем полу, в отчаянии закрыв внутреннюю голову внутренними руками. Он прекрасно знает, чем это закончится. И ничего не сможет поделать, когда я рассудительно скажу: ну уж нет, такой хлеб мы ни за что не станем есть. Ничего не попишешь, придется идти в центр.

Дело сделано, очередной побег удался. К письменному столу я теперь вернусь нескоро, и как же это, честно говоря, хорошо.

И быстро, быстро вниз с холма, спотыкаясь о нерастаявшие комья позавчерашнего снега, останавливаясь лишь затем, чтобы приглядеться к мелким синим брызгам на склоне – пролески? уже? не померещились? не померещились! – и бегом дальше, мимо каштанов, роняющих на землю сухие прошлогодние листья, ощущая, как совершенно по-летнему припекает макушку. Все времена года смешались на нашем холме в густой весенний коктейль, словно все братья-месяцы собрались здесь, помогают непутевому младшему

устроить нам небывалую весну, вот и молодцы, давно пора.

А добежав до проспекта Гедиминаса, можно свернуть направо и перевести дух. Перейти на шаг. Сказать себе, что порция миндального кофе определенно не помешает праздной прогуливающемуся – то есть что это я, целеустремленно мчащемуся за хлебом – организму наслаждаться ароматом весеннего ветра. В смысле организованно продвигаться в сторону булочной. Хулы не будет.

Пройти несколько кварталов и снова свернуть направо, на Вильняус, где призывно пылает оранжевый ромб «Coffee-in», обрадоваться, обнаружив, что за дверь уже выставлены два круглых стола и несколько стульев – первые вестники весны, долгожданные, как подснежники. Еще вчера их не было, а нынче – стоят, и теперь будут вечно, то есть, до самого ноября, в существование которого лично я сегодня не верю. И, похоже, вообще никто.

Несколько минут спустя я выхожу из кафе, сжимая в руках горячий картонный стакан, кладу все еще пустую тряпичную сумку на холодный металлический стул – вот и пригодилась. Усаживаюсь, осторожно, чтобы не обжечься, делаю первый глоток кофе, щурюсь от яркого солнечного света, лезу в карман за портсигаром, заодно достаю телефон и решительно выключаю звук. Ближайшие десять минут я проведу в раю, и пусть весь мир подождет.

Весь мир укоризненно качает головой и тоже достает сигареты. Если уж все равно ждать.

По случаю теплого весеннего дня дверь кафе распахнута настежь, и слышно, как в зале играет музыка. В данный момент – Queen. Надо же. Кофейня все-таки скорее студенческая, и бариста – ровесники своей целевой аудитории, достаточно время от времени пить здесь кофе, чтобы быть в курсе самых актуальных музыкальных новинок. И вдруг Queen, прекрасный, как весенние небеса над нашими головами. И почти столь же древний. Но я-то, собственно, только за.

«Ride the wild wind» [4 - Песня Queen из альбома «Innuendo» (1991 г.)], – поет Фредди Меркьюри. – Ride the wild wind», – настойчиво повторяет он, как будто кого-то надо уговаривать. Как будто все мы, здешние, сегодняшние весенние люди, не стоим уже на цыпочках в состоянии безмятежной готовности оседлать

любой воздушный поток, способный унести нас туда, не знаю куда. За пределы называемого словами. На далекую тайную родину всего живого, вспомнить которую невозможно, но аромат ее земли дразнит наши ноздри ранней весной. Всего несколько дней в году, но этого хватает, чтобы выжить. И жить потом долго и счастливо – до следующей весны.

«Ride the wild wind» – твердит Фредди. И задорно добавляет: «Хей-хей-хей!»
Лично у меня никаких возражений. Хей-хей-хей, конечно. Еще бы не хей-хей-хей.

– Это Радио Гедиминаса, – говорит приятный мужской баритон. – Оставайтесь с нами до первой звезды. В программе следующего часа лучшая музыка для весны. А сейчас городские новости.

Теперь понятно, почему Queen, а не Die Antwoord[5 - Группа, основанная в 2008 г. музыкантами из Кейптауна (ЮАР), родоначальники стиля «zef-rap».], Lykke Li[6 - Люкке Ли (швед. Lykke Li) – шведская певица. Выпустила два студийных альбома: Youth Novels (2008) и Wounded Rhymes (2011).], или, предположим, Skrillex[7 - Скриллекс (Skrillex) – псевдоним американского бростеп-музыканта и продюсера Сонни Джона Мура. В 2012 году Скриллекс попал на второе место в топ-10 самых высокооплачиваемых диджеев мира по версии Forbes.]. Девочки-бариста забыли дома флешку с любимой музыкой и с горя включили радио. «Радио Гедиминаса» – надо же, впервые о таком слышу, хотя в машине регулярно перескакиваю с одной волны на другую в поисках чего-нибудь новенького и при этом не слишком оскорбляющего слух. Но «Радио Гедиминаса» мне точно никогда не попадалось. Интересно, название – дань уважения основателю города, или имя владельца радиостанции? Или просто студия расположена на проспекте Гедиминаса, где-нибудь тут, за углом? Впрочем, какая разница, лишь бы музыку хорошую крутили, а выпуски новостей – не дольше трех минут. Скучнее нынешних городских новостей были разве что старые советские, про надои в шахтах и валовое производство озимых. Чур меня.

– Первый за эту весну Черный Ветер, – бодро говорит ведущий, – порадовал нас вчера, в среду одиннадцатого апреля в восемнадцать сорок семь, что вполне соответствует обещаниям наших синоптиков, предсказывавших приход первого весеннего Черного Ветра в середине второй недели апреля. По их предварительным прогнозам, следующее явление Черного Ветра нам предстоит пережить в конце мая. Что ж, наберемся терпения и будем ждать.

«Чего?! – озадаченно думаю я. – Начинать сразу с погоды – дело хорошее, но с какой радости вчерашний ветер – кстати, слишком слабый, чтобы упоминать его в новостях – объявлен черным?.. Впрочем, ерунда. Просто слышалось».

– Очередное сезонное нашествие несовершеннолетних цветных демонов на парк Вингюс, как всегда, завершилось их оперативным усмирением силами городской полиции. Малолетние нарушители пристыжены и переданы в руки опекунов. Жертв и разрушений нет, следы деятельности юных хулиганов устранены почти полностью; синий цвет восемнадцати сосновых стволов и нетрадиционная окраска некоторых других парковых растений сохранены по согласованию с городской администрацией для удовольствия гуляющих. Это радио Гедиминаса, городские новости, оставайтесь с нами до второго пришествия.

Чего-о-о-о?!

– Экстренное сообщение городской службы безопасности: с начала недели в Вильнюсе зарегистрировано четыре случая появления необычных для нашего региона агрессивных домовых духов. Их облик и поведение позволяют предположить, что к нам пожаловали линчетто, областью обитания которых традиционно считается Италия. Краткая информационная справка: маленькие итальянские домовые линчетто забираются в дома через замочные скважины и усаживаются на грудь спящим. Как правило, подобные вторжения чреваты продолжительными ночными кошмарами, а в отдельных случаях несут угрозу для здоровья и даже жизни пострадавших. Важно помнить, что самый простой и надежный способ избавиться от линчетто – встать с постели, включить свет, приготовить бутерброд с сыром и сесть на ночной горшок, специально поставленный в дальнем углу комнаты. В такой позиции следует съесть бутерброд и сказать вслух: «Чтоб ты провалился! Я ем хлеб с сыром, а линчетто пусть провалится!» Если в вашем доме действительно находится линчетто, он немедленно преисполнится отвращения и исчезнет, чтобы больше не возвращаться.

После секундной паузы, в ходе которой полезная информация, очевидно, должна как следует закрепиться в слушательских головах, ведущий бесстрастно заключает:

– Некоторые эксперты связывают появление линчетто с одновременным прибытием в Вильнюс нескольких больших групп итальянских туристов. Однако, насколько нам известно, до сих пор ни групповой, ни индивидуальный туризм

никогда не приводили к подобным последствиям. Городские власти обещают провести тщательное расследование, о ходе которого мы будем вам сообщать. Оставайтесь с нами до третьих петухов.

ЧЕГО?!

Во дает, а.

– Пришло время зачитать краткий список апрельских городских мороков. Во второй половине месяца нам по-прежнему предстоит слышать скрипичную музыку, доносящуюся из нежилых зданий, терять голубые камни из колец, пройдя несколько кварталов, обнаруживать себя на другом конце города и находить на собственных подоконниках незнакомые горшки с цветами неизвестного происхождения; напоминаю, что по цвету внезапно появившихся в доме цветочных горшков можно безошибочно предсказывать ближайшее будущее: зеленый, как известно, сулит успех во всех начинаниях, синий – путешествие, желтый советует внимательно прислушиваться к советам незнакомцев. Значения остальных цветов и узоров вы можете узнать, позвонив нам по телефону восемь шесть семь семь восемь шесть семь, звонок бесплатный. Также возможны кратковременные появления на улице Базилиону клуба чайной культуры «Арбатос Магия», закрывшегося летом две тысячи десятого года. Его посещения, в целом, совершенно безопасны, однако городской комитет здравоохранения настоятельно не рекомендует пить там чай. Зато покупка посуды и других сувениров остается целиком на ваше усмотрение. Полный список весенних городских мороков будет оглашен в вечернем выпуске новостей, оставайтесь с нами до первого поцелуя.

«Да куда ж я от вас теперь денусь, – думаю я. – Где еще самые важные новости услышишь. Если в городе есть радиостанция, оккупированная такими прекрасными психами, значит начались воистину хорошие времена. Надо будет спросить девчонок, что это за волна. И впредь настраивать на нее все, что под руку подвернется».

– Выставка блуждающих зеркал Лейна, открывшаяся в конце минувшей недели в Галерее Люси на улице Майронё, как и следовало ожидать, уже закрыта в связи с исчезновением всех экспонатов. Однако ценителям искусства не прямых отражений, не попавшим на вернисаж в пятницу, не следует огорчаться: зеркала по-прежнему в городе, и их поиски могут стать прекрасным развлечением. По нашим сведениям, одно из блуждающих зеркал сейчас

находится в витрине антикварного магазина на улице Траку четырнадцать, второе – в холле гостиницы «Неринга» по адресу проспект Гедиминаса двадцать три; несколько штук сегодня утром видели на дне Вильняле, неподалеку от площади Тибета, а еще одно зеркало наш специальный корреспондент только что обнаружил в женском туалете ресторана «Sue's Indian Raja» на Одминю три. Спешите посмотреть, пока они снова не разбежались. Местоположение остальных блуждающих зеркал Лейна пока неизвестно, ищите их самостоятельно и не забывайте сообщать нам о своих находках.

«Так не бывает, – думаю я, щурясь от удовольствия. – Какая же восхитительная чушь, господи. С утра до ночи такие новости можно слушать, не отрываясь».

– И, наконец, о самом главном. То есть о погоде. На экстренном заседании городского комитета по дождям и травам было принято решение временно приостановить работу, обеспечив, таким образом, теплые солнечные выходные во всех районах города и области. Прогнозируемое замедление роста весенних трав признано незначительным. Это радио Гедиминаса, городские новости, оставайтесь с нами до седьмого пота.

Мамочки.

– Напоследок новость для любителей прекрасного. В начале мая к работе над Вильнюсом приступит новая команда иллюстраторов заката. Это группа молодых специалистов, лучших выпускников Северного Небесного Университета прошлого года. Ребята обещают нам новые небывалые впечатления и самые модные цвета весенне-летнего сезона – нежные оттенки фруктового сорбета, яркие оттенки кобальта и индиго, черничный, оранжевый и, внимание, – желтый! Не знаю, как вам, а лично мне в последние годы очень его не хватало на наших небесах. Специальный спонсор этой новости – ресторан «Torgres», улица Ужупё сорок, разнообразная европейская кухня и лучший вид на закат с веранды в любое время года. Это были городские новости, радио Гедиминаса, оставайтесь с нами до первого воробья.

– Чирик!

Упомянутый воробей скачет по моему столу и возмущенно чирикает, обиженный отсутствием крошек. Он прав, в начале весны всякий ответственный горожанин

должен иметь при себе горсть семечек, на худой конец, кусок хлеба, или печенье для оголодавших за зиму птиц. Вот о чем забыло напомнить слушателям Радио Гедиминаса. Домовые, зеркала и закаты – дело хорошее, но помимо удовольствий у всякого человека должны быть обязанности. Например, подкармливать воробьев.

И кстати о радио. Почему оно замолчало? Новости закончились, это понятно, но теперь должна быть музыка. «Лучшая музыка для весны», обещали же. И где?

Погасив недокуренную сигарету, поднимаюсь и иду в кафе. Обычно мне лень лезть к людям с расспросами и вступать в переговоры, но не сейчас.

В кафе тишина, у стойки о чем-то шепчется влюбленная парочка, девочки-барристы трудятся над их заказом – одна готовит кофе, другая выжимает из грейпфрутов кислый розовый сок.

– А почему вы выключили радио? – спрашиваю я.

Обе любезно бросают свои дела, чтобы одарить меня взглядами. Одна – просто удивленным, вторая – испуганным. Видимо, новенькая, еще не привыкла к мысли, что вопросы клиентов вовсе не обязательно сулят дополнительные проблемы.

– Мы не выключали, – наконец говорит удивленная девушка Нина, мисс латте 2011, согласно надписи на фартуке. – И не включали. Я хочу сказать, у нас не работало радио. И вообще никакой музыки с самого утра.

– Музыкальный центр вчера поломался, – поясняет испуганная девушка Аста, мисс латте 2012. – Мы как раз мастера ждем.

– Но как же, – растерянно бормочу я. – Только что было. Радио Гедиминаса, там сперва пели Queen, потом городские новости... Так это не у вас? И вы не слышали?

Но как?..

Девушки Нина и Аста молча мотают головами.

– Может быть, кто-то наверху окна открыл? – Неуверенно говорит Нина. – А в квартире работало радио.

Тогда на улице должно быть слышно, а у нас – нет.

Ну, кстати, да. Это все объясняет.

Извинившись, выхожу на улицу, задираю голову, внимательно осматриваю окна над кафе. Заперты, что неудивительно. Видимо, тот, кто слушал радио, выключил его и ушел, закрыв окно. Логично? Более чем логично.

Но неутешительно. «Оставайтесь с нами до первого воробья», а сами – хлоп! – и замолчали, эх. И кстати, ровно в тот момент, когда на мой стол сел воробей. Красивое совпадение. А все равно более чем досадное.

«Наверняка это радио есть в интернете, – думаю я, неспешно продвигаясь по проспекту Гедиминаса в сторону дома, то есть неизбежного письменного стола и укоризненно скалящейся бездны рабочих материалов. – Не может их там не быть. Даже если ребята не вещают он-лайн, что было бы очень странно, информация о них наверняка найдется. Вот сейчас приду домой и поищу. Должен же быть хоть какой-то смысл в том, что человек в здравом уме и твердой памяти собирается заточить себя в четырех стенах в столь прекрасный весенний день.

Но вместо того, чтобы подкрепить благоразумные размышления делом и ускорить шаг, я зачем-то перехожу на другую сторону проспекта. Потому что после всего, что рассказывали в дурацких новостях по невесть откуда звучавшему радио, спокойно пройти мимо гостиницы «Неринга» я не в силах. Понятно, что они там, в студии, просто развлекаются, вешают на слушательские уши свежую лапшу причудливой формы, и правильно делают, все бы так. Поэтому в индийский ресторан на Одминю или тем более к реке я сегодня не пойду, это мне не по дороге. А в гостиницу «Неринга» все-таки загляну. Чтобы не кусать потом ни в чем не повинные локти, им и так непросто со мной живется.

В холле гостиницы, чтобы избежать ненужных расспросов, достаю телефон и, выдержав паузу, громко говорю: «Я уже внизу, выходи, жду». Таким образом, девушке-администратору становится ясно, с какой стати я тут слоняюсь, и она,

приветливо кивнув, снова зарывается в какие-то свои бумаги. А я могу осмотреться.

Зеркал тут, собственно, всего два. В том, что напротив лифтов, мое отражение выглядит точно так же, как в тысячах других зеркал, попадавших на моем жизненном пути. Если это и есть «блуждающее зеркало», непонятно, зачем его показывали на выставке в какой-то там галерее. Только потому, что оно может в любой момент удрать? Так за фокусами – в цирк.

Второе зеркало – небольшое, прямоугольное – висит у самого выхода, на стене, слева. Оно здесь совсем не к месту и высота выбрана неудачно – примерно в полутора метрах от пола. Человек среднего роста, вроде меня, может увидеть свое лицо, только пригнувшись. И я, конечно, наклоняюсь – глупо не осмотреть все, если уж я здесь.

И долго-долго рассматриваю отражение, пытаюсь сообразить, что именно с ним не так. Затылок как затылок. Причем именно мой... Или все-таки нет? Поднимаю руку, чтобы почесать ухо, отражение повторяет мой жест. Теперь никаких сомнений. И в чем тогда фишка?.. Наконец вспоминаю, что обычно в нормальных зеркалах отражаются не затылки, а лица смотрящих. Господи, ну конечно. Все-таки моя рассеянность – это нечто. Когда-нибудь о ней сложат легенды, она того заслуживает.

И наконец до меня доходит – да это же Магритт[8 - Речь о картине бельгийского художника-сюрреалиста Рене Магритта «Репродуцирование запрещено», на которой изображена описанная сцена: человек стоит перед зеркалом и видит там отражение своего затылка.]. Сюжет самой знаменитой из его картин. Точно. Теперь понятно, почему выставка в галерее Люси, до которой мне так и не удалось дойти в пятницу, называлась «Старые знакомые»; кураторский замысел очевиден, и, черт побери, как же жаль, что совсем нет времени бегать по городу за этими дурацкими блуждающими зеркалами, потому что после столь впечатляющей цитаты из Магритта мне, конечно, очень хочется посмотреть все остальное. Что они еще придумали?

«Ай, ладно, – говорю я себе. – Жизнь – штука весьма продолжительная, все еще успеется. В том числе выставки. А теперь – домой и за работу».

И толкаю тяжелую стеклянную дверь.

– Это были городские новости, – говорит мне вслед приятный мужской баритон. Он раздаётся из радиоприемника, спрятанного где-то за стойкой администратора.

– Вас приветствует радио Гедиминаса, – объявляет ведущий после короткой музыкальной отбивки. – Оставайтесь с нами до седьмого неба.

Улица Жигиманту (Zygimantu g.)

Сто рыб

Первую рыбу нарисовала белым мелком на стене соседнего дома. Быстро, одним росчерком, воровато оглядываясь по сторонам – никто не видит?

Зрителей, понятно, не было. И быть не могло. Ночь с воскресенья на понедельник, половина второго, самое глухое время. Но все равно чувствовала, как пылают щеки и уши – хуже, чем на экзамене.

Рыба получилась маленькая, невнятная, но изящная. Декоративная. Все-таки поставленная рука – великое дело, не пропьешь, как говорится. Даже если на жидкий офисный кофе из машины годами налегать.

Отошла на несколько шагов, критически оглядела рисунок, брезгливо поморщилась: мать божья, какая халтура. Отмахнулась – ай, ладно. Будем считать, это я разогреваюсь, как спортсмен перед забегом. Давай без перфекционизма, а? А то вообще ничего не успею. Неохотно согласилась: ладно. Без, так без.

Вторая рыба, которую, поколебавшись, нарисовала по соседству с первой, удалась на славу: большая, толстая, явно с полным брюхом икры. Достала из коробки желтый мелок, раскрасила плавники. Прошлась зеленым по спине и бокам. И хватит с нее.

Третью рыбу, уже на углу Наугардуко и Альгирдо, рисовала синим, серым и красным мелками. Дело пошло веселее. У четвертой рыбы на месте глаза неожиданно появился цветок. Пятая была похожа на сухой лист. Шестая получила в подарок модную ярко-оранжевую челку, хоть себе такую же выстригай. Йонасу Львовичу понравилось бы, он всегда любил рыженьких, и на его портретах волосы золотились даже у седых, перец с солью брюнеток. Wish You were here, дорогой учитель, ах, зачем вы не здесь.

Но кто ж его среди ночи из больницы отпустит. Да и сам при всем желании дальше коридора не уйдет. Совсем слабенький.

Двенадцатая рыба вышла совершенно уморительная – этакий бегемот с хвостом и плавниками. Тринадцатая вместо чешуи была покрыта неразборчивыми, но, несомненно, священными текстами. Четырнадцатая, надо полагать, возомнила себя Мировым Змеем и, скрутившись задорным кренделем, энергично грызла собственный хвост.

Взглянув на дело рук своих, увидела, что это хорошо, рассмеялась и свернула на Миндауго, оглядываясь в поисках очередной подходящей стены.

Даже не предполагала, что рисовать рыб окажется так весело и приятно. Думала, будет тошно, но придется потерпеть. Ради Йонаса Львовича. Я обещала.

«Потерпеть» – ха! Тоже мне, мученица выискалась. ...Двадцать пятая рыба стала плавучим деревом, а двадцать шестая изумленно разглядывала крючок, на котором в качестве приманки болтался земной шар. Двадцать седьмая рыба подобными глупостями не интересовалась, зато светилась изнутри, как ночник. Поди изобрази такой эффект, имея в своем распоряжении только серую каменную стену и коробку цветных мелков. Но ведь получилось! «Вполне естественно, – сказал бы сейчас Йонас Львович, – а как, интересно, у тебя могло не получиться? Чему я тебя столько лет учил?»

Правильный ответ – всему на свете. Хотя теоретически должен был только рисунку.

Тридцать третья рыба была псиглавцем, добродушным и совершенно довольным собственной участью – судя по выражению ушастой морды и восторженно вываленному розовому языку. Тридцать четвертая носила пенсне и курила сигару. Тридцать пятая и тридцать шестая сплелись в значок «Инь-Ян», но не черно-белый, а красно-зеленый, глазастый, гладкий, мокрый, тугой.

Надо же, как вошла во вкус.

Когда заказывала билеты до Вильнюса и обратно, думала: так только говорится – «съездить домой». Специальное полезное шаманское заклинание, усмиряющее детей, друзей, коллег и прочих духов-помощников, чтобы отстали и больше не спрашивали – куда намылилась и что ты там забыла. На самом-то деле, какой, к черту, «дом»? Мама давным-давно умерла, отец, с которым так толком и не познакомились, скорее всего, тоже; впрочем, какое мне дело. В небесно-синем деревянном флигеле на Жверинасе, где прошло детство, теперь живет совсем чужая женщина, сколько ни называй ее сестрой, близости от этого не прибавится, да и не было никогда, слишком велика разница в возрасте, двадцать без малого лет, шутка ли.

Сентиментальные люди в таких случаях обычно начинают щебетать об улицах детства – дескать, как приятно будет по ним пройтись. Но, строго говоря, улицы – это просто нагромождения чужих жилищ, запертых на хорошие, крепкие замки. И какое мне дело до домов, в которые меня никогда не пустят? Проходные дворы в Старом Городе, священные лабиринты отрочества – и те, рассказывают, теперь закрыты, все, или почти. Ну и к чему тогда пустая болтовня о каком-то «доме». Дом – это место, от которого у тебя есть ключи, если только они – не от дешевой квартиры-гостиницы, заранее забронированной по интернету. Тогда – не считается.

А вот Йонас Львович – это, конечно, совсем другое дело. Ради него стоило съездить хоть на край света. Дура, что так долго откладывала. Лучший в мире учитель, из тех, кого никогда, даже про себя не назовешь «бывшим». Человек с самым большим в мире сердцем. И для каждого из многих сотен учеников в его сердце всегда найдется не просто место, а отдельная комната. С верхним светом, конечно. Чтобы проснуться пораньше и рисовать.

Поэтому – да, на самом деле домой. К Йонасу Львовичу. Он и есть мой дом.

От таких размышлений сорок восьмая рыба стала похожа на живое плавучее сердце. А сорок девятая была составлена из множества совсем мелких рыбешек, вместе они выглядели как веселая глазастая хвостатая чешуя. Рисовала ее долго, пальцы онемели, руку под конец даже судорогой свело от усталости. Но подумай, великое дело – рука. Пройдет. Сама должна понимать, что не болеть – в ее интересах. Потому что боли, не боли, а поблажек не будет.

По такому случаю пятидесятая рыба получила в подарок докторскую шапочку с красным крестом. Пусть теперь всех лечит! Например, руку, ей еще полсотни рыб рисовать. И Йонаса Львовича заодно. То есть его – в первую очередь. Если вылечит, то и черт с ней, рукой. Можно потерпеть.

Ехала-то специально к Йонасу Львовичу, только к нему, но на месте вдруг оробела, да так, что несколько дней не решалась позвонить. Думала: что, ну что я ему скажу? «Дорогой Йонас Львович, вы не виноваты, что из меня ничего не вышло, вы самый лучший и всеумному меня научили», – примерно так, да? А потом – любимая сиротская песня: «Но у меня, понимаете, двое мальчишек. Теперь-то уже здоровенные лбы, школу закончили, я им до подбородков едва достаю. А много лет назад, когда они только родились, их отец внезапно решил, что настоящий художник у нас в семье – он. И, конечно, непризнанный гений. Со всеми вытекающими последствиями. И пока последствия вытекали одно за другим, я, глупая молодая коза, крутилась, как могла. Мне даже задуматься было некогда. Сами посудите, мальчишкам надо что-то жрать. Каждый день! И где-то жить. Тоже, увы, не раз в неделю. Про «одеваться» уже не говорю, одеваться – невыносимая роскошь, и какое же счастье, что дети есть почти у всех, в том числе, у знакомых. Потому что иногда они вырастают из своей одежды раньше, чем успевают вконец ее изорвать. С игрушками и книжками то же самое, то и дело кто-нибудь что-нибудь отдает, и это очень выручает. Но с едой такой номер не проходит, с жильем – тем более. Поэтому, Йонас Львович, дорогой, какую только дрянь я не рисовала, чтобы прокормиться. Пейзажики на продажу – это еще самое пристойное. И матрешки – это еще не ад, только его преддверие. А вот о некоторых плакатах вспоминать не могу до сих пор. Надеюсь, вы их никогда не увидите. А не то мне придется застрелиться. Как человеку, еще не окончательно утратившему представления о чести. Платили за них, кстати, много лучше, в рекламе вообще большие деньги крутятся, и даже мелким халтурщикам, вроде меня, кое-что перепадает, так что дела наши с мальчишками пошли на лад, особенно после того, как «настоящий

художник» оставил нас в покое. Он был очень серьезной статьей семейных расходов. И совершенно неокупаемой».

Шестьдесят первая рыба раскрашена как арбуз, шестьдесят вторая – прозрачная, и сквозь нее видно, как течет вода и плывет другая рыба, шестьдесят третья по счету. Шестьдесят четвертая рыба вспорола себе брюхо и теперь с недоумением разглядывает собственные внутренности. Она не самурай, она – естествоиспытатель. И всем нам живой пример.

В итоге, конечно, позвонила. И даже не перед самым отъездом, а за целую неделю до него. Молодец. Храбрая тетка. От-ча-ян-на-я.

Трубку взяла Лена Львовна – не сестра, а жена, такая уж они идеальная пара, что даже отчества одинаковые.

Конечно, рыжая. Маленькая золотоглазая фея-лиса, говорливая и улыбчивая, способная накормить дюжину мужниных учеников одним батоном и засохшим краешком сыра. Батон надо нарезать очень-очень тонко, а сыр потереть на мелкой терке, аккуратно присыпать им хлеб, и отправить на противне в духовку. Чем тоньше нарежешь, тем больше получится порций. Если очень постараться, каждому голодному гостю достанется целых три, а то и четыре сырных сухарика, и этого окажется достаточно, чтобы с благодарностью вспоминать тебя всю жизнь, особенно когда сыновья повадятся приводить домой оравы одноклассников, а в кладовых – шаром покати, как всегда.

«Илона, девочка, конечно, я тебя помню, – торопливо говорила Лена Львовна, – как такую забыть. И картинка твоя, где море и слон, до сих пор висит у нас в спальне. Первое, что я вижу, когда просыпаюсь. Каждое утро, уже тридцать без малого лет, а ты говоришь: «наверное не помните», – вот хороша я была бы!»

И такой же птичьей скороговоркой: «А Йонас Львович сейчас в больнице», – как гром посреди ясного неба. И после этого какое-то время в голове была звенящая тишина. И не только в голове, везде. Внутри и снаружи.

В больнице! С чего вдруг? Какая больница, зачем? Что за ерунда, с ума все сошли. Так не бывает.

«Конечно, навести, он будет рад. А радость, говорят, лечит. Хорошо бы! От лекарств, знаешь, толку немного...» – Лена Львовна говорила и говорила, но все это уже не имело значения, особенно после осторожной, круглой, гладкой, ядовитой, как пирожок со стеклянной начинкой, фразы: «не самый хороший прогноз».

Все мы тут взрослые люди и прекрасно знаем, что это означает: «не самый хороший». Хотя, конечно, предпочли бы не знать.

Жизнь, которая до сих пор казалась просто очень страшной, вдруг стала совершенно бессмысленной. Какой, ко всем чертям, смысл, если Йонас Львович в больнице? Такие как он не должны лежать в больницах с дурацкими «не очень хорошими» прогнозами. И стареть такие не должны и, тем более, умирать. Потому что это же форменный конец света, не зря, выходит, его обещают в двенадцатом году. Не будет мир стоять без Йонаса Львовича, и земля наверняка перестанет крутиться, я бы на ее месте точно перестала, потому что – а толку?

В брюхе шестьдесят девятой рыбы компас, чтобы всегда плыть строго на север, имя ей будет – Адмирал Чичагов[9 - Русский адмирал Василий Чичагов дважды (в 1765 и 1766 годах) пытался продвинуться севернее Шпицбергена, но достиг только 80°30' северной широты.]. Или, к примеру, Жаннетта[10 - На барке «Жаннетта» (Jeannette) в 1879 году пыталась достичь Северного полюса (из Сан-Франциско через Берингов пролив) американская экспедиция Джорджа Де-Лонга. Недалеко от острова Врангеля в Северном Ледовитом океане «Жаннетта» была окружена льдами. На протяжении 21 месяца вмерзший в лед корабль дрейфовал на северо-запад, постепенно приближаясь к Северному полюсу. 12 июня 1881 года «Жаннетта» не выдержала давления льда, дала течь и затонула; экипажу удалось спастись.] – если девочка. А семидесятую рыбу просто раскрасим как радугу, и довольно с нее.

Семьдесят первая рыба смотрит на рыбу-радугу, подетски распахнув рот. Она, похоже, счастлива. И скоро найдет клад[11 - Согласно поверьям многих народов,

в тех местах, где радуга касается земли, можно найти клад.].

Думала: ни за что не пойду в больницу. Не могу, не хочу. Вот увижу его там – больного, дряхлого, в палате, на койке, в капельницах каких-нибудь жутких, и тогда – вообще все! Что именно «вообще все» – не могла, конечно, сформулировать, даже для себя. Но была натурально в панике.

Думала: учителя не должны умирать. Когда умирают родители, это очень больно, но как-то... понятно. И предсказуемо. Мы с детства знаем, что родители когда-нибудь умрут. И худо-бедно уживаемся с этим знанием, а когда страшное наконец случается, выясняется, что мы к этому вполне готовы – насколько вообще возможно быть готовым к смерти, которая после ухода старших становится ближе. Настолько ближе, что иногда удается пихнуть ее локтем в бок. Оттолкнуть.

Но поди подготовься к смерти человека, который только притворялся, будто учит тебя рисунку. А на самом деле учил бессмертию. На его уроках нам всем, каждому в свой срок, вдруг становилось понятно: пока рисуешь, ты бессмертен. Бессмертен, господи боже, быть бессмертным – это, оказывается, вот так.

И даже если потом это ощущение пропадет навсегда, можно сказать себе: это только со мной случилась беда. Это я – дура, все прохлопала, профукала, упустила. Но это вовсе не значит, будто со всем миром произошла катастрофа, и теперь бессмертия нет вовсе – ни в каком виде, ни для кого. Оно есть. И этого достаточно – не для счастья, конечно. Но для того, чтобы жить дальше, достаточно. Вполне.

Думала: что я буду делать теперь, когда увижу учителя слабым, больным, бормочущим невнятное? Когда увижу его – давай называть вещи своими именами – умирающим. И как стану жить потом, когда он умрет? Смертной тварью, хлопочущей лишь о прокорме, среди других смертных тварей, озабоченных тем же? В мире, лишенном смысла? Без веры, которой никогда не было, без надежды, которая была всегда? И что я скажу детям, которых сдуру привела в этот глупый, тошный, нелепо устроенный мир?

Разбирайтесь с этим сами, мальчики, я – пас? А что еще скажешь.

Семьдесят шестая рыба – зеркало. В ее выпуклом боку отражается лицо ошалевшей от собственной удали художницы. Ай, хороша ты сейчас, мать. Ей-богу, хороша.

Но не навестить Йонаса Львовича в больнице было еще более невозможно, чем навестить. Пошла, конечно. Куда деваться.

Все было примерно так, как представляла, заранее содрогаясь: душная палата, тяжелый запах, больничная койка с подъемником, паутина капельниц, почти прозрачные старческие руки учителя с желтыми ногтями и лазурными клубками вен.

Так, да не так.

Сам Йонас Львович не был похож на обычного умирающего старика. Наоборот. Теперь, когда тело его пришло в негодность, неукротимый дух, прежде проявлявшийся лишь во взглядах и жестах, окончательно вырвался наружу и бесцеремонно заполнил все пространство. И правильно, чего стесняться.

Приподнялся на локте, улыбнулся, сказал: «Тааак. Вернулась домой. Молодец».

И сразу стало ясно, что можно ничего не говорить. В смысле, не рассказывать, как глупо и бессмысленно жила все эти годы, как ежедневно отщипывала от себя по кусочку, в надежде, что не убудет, как разменивала драгоценный дар на мелкие монеты, покупала жизнь для себя и детей, как однажды, почти десять лет назад, обнаружила, что больше ничего не осталось, и с тех пор не прикасалась не то что к кистям – к карандашу. Даже для заработка. В гробу мы видали такой заработок. Освоенный между прочими делами компьютер и хорошо подвешенный язык (целых четыре отлично подвешенных языка) кого угодно прокормят. И, слава богу, больше никаких картинок, никогда, ни за какие коврижки. Потому что – невыносимо. Жалкое подобие упущенного счастья, тошнотворная жизнь после смерти, беспомощное вранье.

Поди расскажи такое учителю, который считал тебя лучшей из своих учеников, чуть ли не главным оправданием собственной педагогической деятельности.

Вслух, конечно, ничего подобного не говорил. Но думал порой так громко, что не захочешь, а все равно поймешь. Не отвертишься от ответственности.

И вдруг оказалось, можно ничего не рассказывать. Не объяснять, почему так вышло. Йонас Львович сам все прекрасно знает. И считает, что это не имеет никакого значения.

И ему, что удивительно, видней.

...Отмахнулся от расспросов о врачах – что говорят, когда выпишут? – и далее по традиционному списку. «Ай, детка, что нам до их разговоров?» Не давая перевести дух, выпалил: «Есть одно дело, из-за этой дурацкой больницы не успел, и теперь ты мне поможешь. Только ты, никто кроме тебя, ты – лучшая. Нет, не «была», есть, глаголов прошедшего времени я не признаю. Как же ты вовремя вернулась, молодец».

Восемьдесят четвертая рыба изрыгает огонь. Главное – не прикасаться к стене в том месте, где пляшут языки пламени, можно обжечься, даже рядом стоять жарко, правда-правда. Почему сразу – сошла с ума? Может, и сошла, но стена все равно горячая, одно другому не мешает. Хорошо, что дом на углу Ягайлос и Гедимино каменный, прочный, такой от нескольких искр не загорится, ни одна витрина магазина «Маркс и Спенсер» не лопнет от нашего с рыбой огня, любители шотландских бисквитов и овсяного печенья могут спать спокойно, восемьдесят пятая рыба почтительно снимает каску пожарника и передает им привет, а мне пора дальше. Скоро начнет светать.

Сказал: «Нарисуй сто рыб. Для меня. То есть вместо меня. Мне – нарисуй».

Совершенно огорошил.

Рассказывал вдохновенно и потому путано: «Ровно сто рыб, девочка, не больше и не меньше. Надо их нарисовать, чем скорее, тем лучше. В городе, на стенах домов и заборах, да где угодно, но разом, за один день, а лучше – за одну ночь, чтобы никто не помешал. Ты же знаешь, что разрисовывать стены запрещено? И это в общем правильно. Вонючей краской из баллонов – точно не надо.

Но мелом-то, уверен, можно, какой от него вред.

Как – зачем? Я уже говорил тебе, совсем недавно, четверти века с тех пор не прошло: для художника существует только один ответ на вопрос «зачем?» – «чтобы было». И если он тебя не устраивает, прощайся с жизнью. С настоящей жизнью, я имею в виду. Довольствуйся малым».

Отчитал за непонятливость и тут же, как ни в чем не бывало, принялся объяснять по-человечески. Вредный. Всегда такой был.

«Искусство началось, когда закончилась магия. Я это наверняка сто раз уже говорил – тебе и всем остальным. *Idee fixe* всей моей жизни. Прежде рисовали только шаманы, и каждый рисунок был действием, исполненным силы и совершенно конкретного смысла. Нарисованный олень, пронзенный нарисованной стрелой, сулил скорую гибель живому зверю и обильную пищу всем заинтересованным лицам. Нарисованный дух-помощник внимательно выслушивал просьбы и начинал чесать репу, прикидывая, как их исполнить. Нарисованный путь в Нижний Мир после нескольких ударов бубна становился широкой тропой, протоптанной ногами сотен предшественников. Нам давным-давно пора возвращаться обратно, девочка. Домой. Я имею в виду, к истокам. Нас там ждут. Рисунок должен снова стать магическим действием, и если это случится не при моей жизни, буду сам виноват старый дурак, слишком долго тянул, думал, готовился. А чего тут думать? Какая разница, с чего начинать? Вот сейчас, как только ты вошла, я понял: да хоть с рыб. Нарисуем сто рыб мелом на улицах города. То есть ты нарисуешь. Для меня. Решено?»

Спросила: «Но какой прок будет от рыб? Сами говорите – пронзенный стрелой олень, духи-помощники. Ясно, для чего они были нужны. У каждого своя задача. А рыбы? Мы с вами не рыбаки, уловом не кормимся. Если я нарисую сто рыб, что случится с нами? Что они сделают для нас?»

«Вот и узнаем заодно. Лично я понятия не имею. Но хоть что-нибудь непременно случится, верь мне. Например, пойдет дождь».

Невольно улыбнулась: «Дождь-то пойдет в любом случае. Здесь у нас летом льет через день. А то и чаще».

«Не говори ерунду. Как будто сама не понимаешь. Дождь, который пойдет из-за наших нарисованных рыб – совсем не то, что обычный дождь, случайный каприз дурацкой погоды. И вообще, главное – начать. Сперва нарисуй сотню рыб, а там поглядим».

О господи.

Очень хотела сказать: «Давайте лучше придумаем, что нужно нарисовать, чтобы вы выздоровели. Уж я тогда расстараюсь. Весь город размалюю! Даже билет сдам, если понадобится». Но постеснялась. Показалось, это прозвучит, как бестактная шутка. Поэтому просто спросила: «Можно, я завтра тоже приду? Что вам принести? Я все что угодно...» – и осеклась, ощущая себя самой глупой и беспомощной курицей в мире.

«Носить ничего не надо. И бегать туда-сюда каждый день ни к чему. Приходи, когда сделаешь домашнюю работу», – строго сказал Йонас Львович. И дружески подмигнул, не оставив, таким образом, ни единого пути к отступлению.

Кивнула: «Я поняла. И приду завтра».

Чего тянуть.

...Восемьдесят восьмая рыба разрезана ножницами на множество мелких лоскутов, они еще держатся вместе, но скоро, буквально вот-вот ветер разнесет их в разные стороны. Восемьдесят девятая рыба – шахматная доска с расставленными фигурами, классический этюд, белые начинают и выигрывают. Девяностая рыба темна, как ночь, но брюхо ее сияет серым, синим и – не розовым даже, предчувствием розового. Рыба-утренняя звезда, она снится всем людям незадолго до рассвета, но почему-то именно этот сон никто никогда не помнит – кроме тех немногих счастливцев, кому она пригрезилась наяву.

Будем считать, что так.

Вообще ни секунды не сомневалась – рисовать рыб или нет. Даже вопрос так не стоял. Глупо, конечно, кто бы спорил. Но если Йонасу Львовичу нужно, чтобы я делала глупости, буду делать, не вопрос. И штука даже не в том, что он болен.

А в том, что он – Йонас Львович. Никогда в жизни не приходила к нему с несделанным домашним заданием. И ни единого занятия не прогуляла, даже простужаться перестала, и хронический бронхит прошел незаметно, как-то сам собой – лишь бы не пропускать.

Восковые мелки купила в художественной лавке. Давно в такие не заходила – зачем, только душу травить. А теперь битый час проторчала перед стеллажами с товарами. Какие материалы. Какие! Нам в свое время и не снилось, что такое вообще бывает. И как же жаль, что мне больше не надо...

Сказала себе: «Цыть. Почему это «не надо»? Очень даже надо. В данный момент – мелки. Так что не хлопай ушами, оплати покупку, они же закроются уже через десять минут, шляпа».

Шла домой, рассовав коробки с мелками по карманам. Думала: все это так глупо, что, пожалуй, даже хорошо. Если подумать, искусство само по себе – глупость. Нерациональное, необязательное, избыточное действие, без которого можно легко обойтись. То есть без него можно выжить. Но нельзя жить.

Одернула себя: ишь, разошлась. Искусство ей подавай. Поздно, мать, твой поезд давным-давно ушел. Не примазывайся.

Йонас Львович на это сказал бы: ушел, и черт с ним. Поезда, деточка, ходят по расписанию. Каждый день, или хотя бы раз в неделю. Садись да поезжай, если приспичило. Все лучше, чем локти кусать. И был бы совершенно прав.

У девяносто четвертой рыбы в каждом глазу по океану, а глаз – не меньше дюжины, потому что океанов должно быть много, и каждый – необъятный простор. Девяносто пятая рыба улыбается, как Джоконда – смешная вышла цитата.

И художница тоже улыбается, как Джоконда. И практически спит на ходу.

Шла по набережной. Слева была река, справа – дома. Позади – сгущенная синяя ночь, впереди – молочно-серое обещание утра. Прочитала название: Жигиманту.

Вспомнила – а в мое время была Пожелос. Вроде бы, вообще вся набережная так называлась. Или нет? Ай, да какая разница.

Очень устала.

...Сотая рыба была самая обыкновенная. Красноперая плотва с серебристой чешуей. Но хороша, ничего не скажешь. Сунула огрызок мелка обратно в коробку, положила в карман – все! Теперь – спать.

Рыба-красноперка вздрогнула жабрами, моргнула круглым глазом, приоткрыла рот.

Подумала: значит, уже сплю. Подумала: плохо быть рыбой, вытащенной на сушу. Подумала: ей бы, что ли, в воду. Дорисовать?

Рисовать не пришлось. На протянутую ладонь упала первая капля дождя. Потом вторая, третья, четвертая. Сотая капля оказалась самой тяжелой, а еще миг спустя считать капли стало невозможно, дождь полил как из ведра.

Подумала: рыбы будут довольны. Теперь они могут плыть, куда захотят.

Мокрая до нитки стояла на речном берегу, смотрела, как там, глубоко-глубоко, плывут, обгоняя друг друга рыбы – красноперая плотва, рыба-шахматная доска, рыба-радуга, рыба-сердце, рыба с цветущими глазами, рыба-сухой лист. И все остальные рыбы – плывут.

Улица Зарасу (Zarasu g.)

Фанты

Нёхиси празднует день рождения.

Если он и родился хоть когда-нибудь, дата этого выдающегося события никому не известна. Но даже если ты, предположим, был вообще всегда, это вовсе не повод оставаться без праздника и подарков, – так считает Нёхиси.

И он совершенно прав.

Обычно Нёхиси празднует день рождения ежемесячно, в пятнадцатый день луны. В другие дни на него тоже порой находит, но полнолуния он не пропускает почти никогда. Полная луна, считает Нёхиси, сама по себе прекрасный подарок. Поэтому даже если все друзья – выразительный взгляд в мою сторону – окажутся свинтусами и придут с пустыми руками, как минимум один подарок все равно обеспечен. И праздник, считай, уже удался.

Он совершенно напрасно беспокоится на мой счет.

Являться на день рождения без подарка не в моих обычаях. Дарить подарки гораздо интересней, чем не дарить – вот хотя бы поэтому.

Чаще всего я просто приношу выпивку. Благо в этом вопросе Нёхиси легко угодить. Он мгновенно хмелеет от великого множества вещей. От весенних костров и дурацких ярмарок на центральном городском проспекте, от красных кленовых листьев и апрельских снегопадов, от зимних гроз и криков улетающих на юг птичьих стай, от барабанного боя и аромата горьких ноябрьских хризантем, от дыма печных труб и гулко-го эха подворотен – список любимых напитков Нёхиси почти бесконечен. К тому же он всегда рад попробовать что-нибудь новенькое.

Я люблю, когда Нёхиси пьян.

Когда Нёхиси пьян, у него легкий характер. Когда Нёхиси пьян, он на все согласен. Когда Нёхиси пьян, в небе все двери нараспашку. Когда Нёхиси пьян, в городе становится весело.

И, самое главное, когда Нёхиси пьян, мы играем в фанты. Одного этого достаточно, чтобы праздновать его дни рождения как можно чаще. Потому что когда Нёхиси трезв, у него вечно находятся дела поважнее.

* * *

- Это только на первый взгляд свалка, - говорит Тони. - А на самом деле...

Мне очень нравится эта пауза, потому что я хорошо знаю Тони. Обычно после подобной паузы следует одна из его прекрасных завиральных историй, которые я люблю больше всего на свете. В детстве меня грызла люта́я зависть к сказочному мальчику Яльмару, которого каждую ночь навещает Оле-Лукойе. Больше я ему не завидую: у меня есть Тони. Причем наяву, а не во сне. А у Тони - даже не один пестрый зонт, а целая коллекция, всех мыслимых цветов, на все случаи жизни.

Сегодня, кстати, он взял с собой зеленый. Хотя на небе ни облачка, и все известные нам метеорологические службы с утра дружным хором пророчили идеальные выходные - сухие и солнечные.

- На самом деле на свалку это не похоже даже на первый взгляд, - решительно заключает Тони. - Ну вот посмотри. Что скажешь?

- Для свалки барахла тут явно маловато, - соглашаюсь я. - И валяется оно как-то слишком аккуратно. Как будто кто-то нарочно раскладывал, старался.

- И, между прочим, далеко не все можно назвать «барахлом». Смотри, какая ваза отличная - та, из лилового стекла. И кукла рядом с ней - это же авторская работа, очень крутая, совершенно не в моем вкусе, но оценить-то я могу. А эту керамическую миску я, дай мне волю, вообще утащил бы.

- Ну так и утащи. Все равно ее выбросили.

- Нееееет, - тянет Тони, и вид у него делается загадочный и лукавый. - Отсюда ничего забирать нельзя.

- Почему нельзя?

- Потому что это такое специальное особенное место, куда можно только приносить. Неужели непонятно?

– Конечно, непонятно. Ты же еще ничего не объяснил.

– Твоя правда, не объяснил, – миролюбиво соглашается он и усаживается прямо в густую траву – больше все равно некуда.

Теоретически мы находимся в самом центре Вильнюса, на улице под названием Зарасу. На практике же, сидим на окруженной деревьями поляне между маленькой речкой Вильняле и старым Бернардинским кладбищем, что на холме. За густыми зарослями не видно ни воды, ни жилых домов, и трудно поверить, что, к примеру, до ближайшей французской пекарни, где кофе варят кое-как, зато в круассаны явно добавляют солнечный ветер, отсюда пять минут быстрым шагом. Но это совершенно нормально для Вильнюса, города, который, по моим ощущениям, не построен на месте вырубленного леса, как прочие человеческие поселения, а пророс сквозь лес, почти его не потревожив.

* * *

Нынче сентябрьское полнолуние, очередной день рождения Нёхиси. И я тут как тут – такие праздники пропускать нет дураков. В одном кармане у меня крепкий осенний туман, настоенный на шорохе палой листвы, в другом – звонкое многоголосье цикад, последнее выступление в этом сезоне, настоящее сокровище, но для Нёхиси мне ничего не жалко, гулять так гулять.

Когда Нёхиси пьян, там, где ступает его нога, расцветают легкомысленные маргаритки, и если ему взбредет в голову гулять по тротуарам – тем хуже для асфальта, придется пойти трещинами, чтобы дать прорасти цветам. Но сегодня Нёхиси желает бродить по траве, все еще по-летнему густой и зеленой. Поэтому мы слоняемся по берегам Вильняле, громко, размахивая руками и перебивая друг друга, говорим обо всем, что взбредет в хмельные головы, хохочем на пустом месте и обнимаемся от полноты чувств. Наше заповедное поле для игры в фанты совсем рядом, но мы не спешим, напротив, тянем время, предвкушаем грядущее удовольствие. И весь город, нетерпеливо приподнявшись на цыпочки, предвкушает его вместе с нами.

Мы с Нёхиси всегда счастливы. Но в такие вечера, как сегодня – особенно пронзительно.

Как будто мы почти есть.

* * *

– На самом деле, – говорит Тони, – я толком и объяснить-то ничего не могу. В смысле сам мало что понимаю. С этим местом странная история: о нем знают почти все зареченские[12 - Заречье – дословный перевод названия района Ужупис (лит. Uzupis), расположенного в самом центре Вильнюса, за речкой Вильняле.] старожилы, нынешние и бывшие, а также их ближайшая родня. Но никому не рассказывают, да и друг с другом не обсуждают почти никогда.

– Но тебе-то рассказали.

– Ну да. Мне повезло. Но ты учти, я же целых шесть лет снимал здесь мастерскую. Стал завсегдатаем всех окрестных кафе, кроме разве что «Торреса», очень уж там дорого. Как минимум раз в неделю обхожу все местные галереи, включая самые безнадежные – просто из чувства патриотизма. Хлеб покупаю только в здешней пекарне, сыр и оливки – в лавке по соседству, даже за горчичиками и аспирином, если что, никуда, кроме Ужупской аптеки не побегу, хоть и закрывается она безбожно рано. Подружился со всеми соседями, включая бабку Ванду, которая люто ненавидит все живое, кроме кошек. И когда заметила, что я их тайком подкармливаю, включила меня в список наименее отвратительных двуногих, даже клюкой больше не замахивается, если мимо прохожу. Впрочем, бог с ней. Остальные-то соседи вполне искренне меня полюбили. И все равно, хоть бы кто словом обмолвился. В итоге, забрел я сюда совершенно случайно. К счастью, не один, а в компании нашей Люси. Которая, заметь, выросла в Ужуписе. У ее деда с бабкой был дом где-то на Кривю; Люси до сих пор локти кусает, что пришлось продать. В общем, с компанией мне в тот раз очень повезло. Я-то сперва подумал: «Вот это богатая помоечка!» Добрую половину сокровищ отсюда упереть собирался. Неловко получилось бы. Потому что, как Люси мне объяснила, сюда люди не хлам выбрасывают, а приносят подарки.

– Подарки – кому?

– Да вот и я думаю – а кому, собственно? Люси тогда выкрутилась просто, сказала: «genius loci»[13 - Выражение «genius loci», которое обычно переводится с латыни как «гений места», в Древнем Риме употреблялось в значении «дух-

покровитель места».], – и, вроде, сразу все стало понятно. Но Люси у нас дипломированный философ, ей можно латынью щеголять. А в моих устах «genius loci» как-то не очень органично звучит.

– Ну так и говори: «духу местности», – улыбаюсь я. – Этим ты меня не шокируешь.

– Просто не уверен, что это такое уж точное определение, – хмурится Тони. – Именно духу? Или локальному божеству? Или даже не локальному? Одному или их тут целая теплая компания? Или подарки достаются призракам, убегающим с Бернардинского кладбища погулять на воле? Но, в общем, ладно. Главное, что достаются. Кому-то этакому. Непростому. Непостижимому и неопределенному.

– И записки с просьбами небось привязывают?

– А вот знаешь, вроде бы нет. Я тоже сразу подумал о просьбах, но Люси сказала, ничего подобного в жизни не слышала. Мы с ней тогда специально посмотрели – никаких записок.

– Тогда какой смысл?

– Ну здрасьте. Когда ты ко мне вваливаешься с подарками, или, скажем, на день рождения идешь, или просто так, под настроение что-то прекрасное кому-нибудь тащишь – какой в этом особый смысл?

– Порадовать, конечно. И заодно подать сигнал: «Эй, я – источник твоей радости! Меня надо любить». Звучит по-идиотски, зато правда.

– Ну да. Думаю, с духами ровно то же самое. Порадовать и подать сигнал: «Я хороший, меня надо любить».

Лучше и не сформулируешь.

– А все-таки за подарки полагаются какие-то бонусы?

– Да черт его знает. Как я понял из Люсиных объяснений, ничего конкретного. Но в целом, безусловно, предполагается, что у дарителя будет более счастливая жизнь, чем в среднем по палате. Хотя все равно без гарантий. Но, конечно, шепотом рассказывают разные истории об озолотившихся в одночасье владельцах галерей, чудесных исцелениях, сложившихся семьях и внезапно обретенных смыслах бытия. Какая-либо связь с подношениями во всех случаях неочевидна и совершенно недоказуема. Однако общее мнение таково, что подарки лучше время от времени приносить, а требовать чего-то конкретного взамен, как минимум, рискованно. И уж брать отсюда ничего нельзя, ни в коем случае. Хотя все равно, думаю, растаскивают понемножку – те, кто случайно забрел. Дети, например. Кроме них по этим зарослям вряд ли кто-то лазает... Во всяком случае, экспозиция постоянно обновляется.

– С другой стороны, может быть, подарки забирает именно *genius loci*? Непостижимый-то он непостижимый. И, не сомневаюсь, неопределенный. Однако хозяйственный. Тащит добришко в погреб, и правильно делает – если уж это ему принесли.

– Во всяком случае, местное население совершенно в этом уверено. Ну и я с ними за компанию надеюсь, что так. Вот видишь, зонтик принес в подарок. Просто из вежливости. Пусть будет. Все-таки столько лет в Заречье живу, а взносов еще не делал.

– Слушай, а если я тоже что-нибудь положу? Или только зареченским жителям можно?

– Хулы не будет, – смеется Тони. – Подарки – такое дело, знай давай, да побольше. А с адресом твоим другие инстанции пусть разбираются. Точно не Небесная Канцелярия. Но зачем тебе?

– Понятия не имею. Низачем. Просто... чтобы быть в игре.

– Да, это серьезная причина. Куда серьезней, чем моя вежливость. А что ты тут оставишь? Не сумку же?

– Точно не сумку. Куда я без нее. Зато, например, с бумажником вполне могу расстаться. Он у меня почти новый, весной из Испании привезли. Смотри какой красивый.

– Красивый, – кивает Тони. – Самый простой способ сделать красивым все что угодно – не очень похабно изобразить на этом предмете старинную карту. Не жалко отдавать?

– Немножко жалко. Но, считается, это и есть самый лучший подарок – с которым жалко расставаться. А карточки и деньги переложу в карман. Да и сколько там, честно говоря, этих денег. Смех один.

– Спорю на что угодно, в глубине души ты рассчитываешь поправить свое материальное положение! – хохочет Тони.

– Очень может быть. Только не в глубине души, а на ее поверхности. А на что я рассчитываю в глубине души – тайна великая есть. На то она и глубина, чтобы никто ничего не мог там разглядеть. Я – в первую очередь.

– Иногда твоя мудрость меня почти пугает, – вздыхает Тони. – Причем «почти» – это только потому что день на дворе. Было бы темно, я бы, пожалуй, закричал.

– Ладно, учту. Когда стемнеет, буду говорить исключительно глупости. И делать заодно.

– Ловлю тебя на слове. Смотри, не обмани.

* * *

Когда мы играем в фанты, Нёхиси всегда водит. Меня это совершенно устраивает. Слушать, что он скажет, мне гораздо интересней, чем придумывать задания. И выбирать фанты наугад тоже очень интересно, хоть и непросто. Для того, чтобы не видеть, что беру, мне недостаточно зажмуриться и отвернуться: мои руки даже более зрячи, чем глаза. Единственный способ – вывернуться наизнанку. Это требует всех моих сил и всего внимания, но оно того стоит. В такие минуты я вижу только безбрежную тьму и ослепительный свет,

которые и есть весь мир. Который, в свою очередь, и есть я. Не знаю, как еще объяснить.

А потом, вернув себя на место, перестав быть и снова начав существовать, я обнаруживаю в руках, например, цветочную вазу из красивого фиолетового стекла.

И спрашиваю:

- Что делать этому фанту?

Нёхиси приходится гораздо трудней, чем мне. Потому что он должен ничего не видеть и одновременно сохранять способность отвечать. Впрочем, сам Нёхиси утверждает, будто для него это не труд, а удовольствие. Верю на слово, но все равно не понимаю, как ему это удается.

- Этому фанту, - говорит Нёхиси, - предстоит обратить время вспять - свое, или еще чье-нибудь, или несколько времен сразу, как повезет. Только не спрашивай, каким образом. Сам разберется. Или сама. Да какая разница, кто ты есть, когда несговорчивый Кронос играет на твоей стороне.

Ничего себе начало. Обычно первые задания у него гораздо проще.

- Дальше, - требует Нёхиси. - Дальше!

- Этому фанту, - говорит Нёхиси, пока я разглядываю причудливые узоры на поверхности керамической миски, - надо взять в дом серую кошку. Остальное устроится само.

Вот так-то лучше. Просто и понятно. Что может быть проще кошки. Подобные задания я почему-то люблю больше всего. Хотя, по идее, какая мне разница. Выполнять-то их все равно будут другие.

- Что делать этому фанту?

У меня в руках – нарядно одетая кукла с ангельскими крыльями и лицом обиженной на весь мир маленькой девочки. Надо же. Чего только сюда не приносят.

– Этому фанту следует выучиться танцевать вальс. Можно и другие танцы разучить, пусть ни в чем себе не отказывает. Но вальс – в первую очередь. Следующий давай!

Поднимаю с травы большой ярко-зеленый зонт.

– А этот фант я, пожалуй, возьму на работу, – неожиданно объявляет Нёхиси. – Давно хочу обзавестись дюжиной-другой помощников, чтобы занимались разными мелочами, до которых у меня не доходят руки; вот с этого и начну. Платить буду секретами и сокровищами, по обычной ставке: что унес – твое.

– Ничего себе, – изумленно говорю я. – Такого еще не бывало.

– Все когда-нибудь случается впервые, – смеется Нёхиси. – Дальше давай!

Дальше!

– Этому фанту следует отправиться в путешествие к самому теплему морю.

– Этому фанту – обзавестись волшебной палочкой – самой дурацкой, из детской сказки – и безответственно наколдовать всякой прекрасной ерунды нам на радость.

– Этому фанту придется угостить чашкой кофе первого встречного, который будет в этом нуждаться.

- Этому фанту – внимательно слушать, о чем говорят соседские дети, и принимать на веру любой вздор. Тогда не упустит одну очень хорошую новость.

- Этому фанту – стащить чужое пирожное и немедленно съесть.

- Этому фанту давно пора согреться. Вот пусть и согреется этой же зимой. Нет, прошлой! Этот фант согреется еще прошлой зимой, точка. Поэтому к началу новой зимы этот фант будет так счастлив, что иных заданий у меня для него нет.

- Эк ты хитро завернул, – смеюсь я.

- Потому что устал. Давай еще один напоследок, и на сегодня все.

- Ладно. Что делать этому фанту?

Нёхиси молчит. Такая долгая пауза – это на него совсем не похоже.

Я растерянно кручу в руках пустой кожаный бумажник с изображением карты с надписью «Tabula Islandia». Когда-то у меня был такой же. Или мне просто приснилось, что он у меня был? Это больше похоже на правду. Зачем мне бумажник.

- А этот фант пусть будет моим другом, – наконец говорит Нёхиси. – И всегда им был, от начала времен.

Садится на траву и, подмигнув мне, добавляет:

- Иногда надо и о себе подумать. Тем более, лишний подарок на день рождения никому не повредит.

Я начинаю смеяться.

Я, собственно, до сих пор смеюсь.

* * *

На каком-то этапе осени неизбежно наступает момент, когда запах воздуха вдруг приобретает свойства света. Он становится ослепительным. Ярким, всепроникающим, звонким, как смысл всего. Он и есть – смысл.

Мы с Тони сидим на берегу и молчим. Мы определенно есть – и это все, что мы сейчас о себе знаем.

Но этого совершенно достаточно.

Улица Майронё (Maironio g.)

Трижды семь

Семь звонких стеклянных лет, семь пустых оловянных лет, семь сонных деревянных лет.

Думал: вот ведь прицепилось. И крутится, и крутится в голове с самого утра, как заезженная пластинка. Приснилось, что ли. Да ну, быть не может. Мне же никогда не снятся сны.

Думал: а ведь я это уже слышал. Где-то, когда-то. Голова дырявая, не могу вспомнить. Ай, ладно, слышал, не слышал. Мне бы теперь забыть поскорей.

Но, как известно, захотеть что-то забыть – самый простой способ затвердить это наизусть. Даже удивительно, что до сих пор никто не додумался применять этот метод для изучения иностранных языков. «Здравствуйтесь, дети, я ваш новый

учитель, я помогу вам забыть, что вы умеете говорить по-немецки», – и все, успех гарантирован, ученики уже через год будут Гёте наизусть километрами шпарить, не подглядывая в шпаргалки.

...Пока думал, почти добрался до рынка. Тут идти-то всего ничего: мимо Барбакана, вниз с холма, заросшего густой, темной, цвета вишневого сока, травой, спуститься на Майронё, перейти дорогу, и ты на месте. Торгуют там только раз в неделю, по четвергам, а это не всегда удобно. Но плевать. С тех пор, как проходя мимо зимним вечером, три с половиной года назад, увидел оранжевое мерцание свечей на деревянных прилавках, свернул, попробовал сладковатый домашний сыр у румяной от мороза крестьянки, возвращался сюда каждый четверг, как на работу. Походы на рынок неизменно поднимали настроение, купленные там соленые огурцы, чеснок и ветчина лежали потом в холодильнике, радуя глаз обещанием скорого праздника. Врала, конечно. Ну и что.

Думал: забавно, сколько лет живу в этом городе, а почувствовал себя более-менее своим, местным только с тех пор, как стал ходить на дурацкий маленький рынок у реки.

Кстати, а сколько, собственно?

Семь звонких стеклянных лет, семь пустых оловянных лет, семь сонных деревянных лет.

Неужели действительно двадцать один год? Господи, твоя воля.

По ощущениям – ну, лет пять. Или шесть. При том, что всегда казалось, время здесь течет медленно, как темный гречишный мед. И цвет у него такой же. И эта невыносимая муторная сладость, хоть реку выпей, не запьешь.

От одной только мысли о ходе времени начало подташнивать. Пришлось сесть на лавку. Перевести дух. Дурацкая слабость. Вроде не старый еще совсем. И никогда не болел. Но чуть что – ноги ватные, и вот эта противная дурнота, как будто начинает укачивать. Впрочем, ничего страшного, можно перетерпеть. Как и жизнь в целом.

Сидел на лавке, ощущая, как заполняется сырым речным ветром невидимая дыра в груди. Это было совсем не больно, скорее сладко. Но почти невыносимо, как слишком затянувшийся поцелуй. Думал: однажды эта дыра станет больше меня, и тогда, наверное, можно будет нырнуть туда, как в колодец, и пропасть навек. Скорей бы уже, а. Все равно не живу, только хожу, дышу, ем, думаю. Но это совсем не то.

Думал: интересно, что же такое я потерял двадцать один год назад, когда приехал сюда? Или еще раньше? Настолько важное, что даже вспомнить теперь не могу. Это называется «вытеснение», знаем, читали, нынче все читают популярные книжки про психологию, как прежде без разбору глотали романы, и меня не минула чаша сия. Но если вдруг все-таки вспомню, что будет? Умру, не в силах пережить такую потерю? А что, вышло бы забавно.

Сказал себе: да ладно, какого черта расквасился. Встань и иди. Встань и иди, слышишь? Купи себе три стакана смородины, красной, черной и белой. И дюжину помидоров, например. Если уж все равно надо жить дальше.

Конечно, встал и пошел. Куда деваться.

Синеглазая травница, как всегда, заняла крайний прилавок у входа. Или у выхода – это смотря откуда идешь. Красивая. Сколько, интересно, ей лет? Иногда кажется, за пятьдесят, иногда – что и тридцати нет. Словно у нее бурный роман с Кроносом, и они то бранятся, то мирятся, и стрелки ее внутренних часов скачут туда-сюда в зависимости от того, как у них с утра все сложилось. Поначалу вообще думал, что это мать и дочь по очереди торгуют, но постепенно, как следует приглядевшись, убедился: женщина всегда одна и та же – тонкий шрам на среднем пальце левой руки, одна бровь аккуратной дугой, вторая словно бы переломлена пополам, маленькая треугольная, будто нарисованная родинка на щеке и еще множество мелких неповторимых примет, исключаящих подмену.

Всегда останавливался возле ее прилавка – просто поздороваться, перекинуться парой слов. Товаром не интересовался. И рад бы еженедельно скупать всю эту душистую роскошь – лекарственные сборы, травяные чаи, зелень в горшках, говорящие семена, сухие зимние букеты, льняные мешочки, туго набитые лавандой – но для этого требовался совсем другой дом, большой, уютный,

со скрипучими деревянными половицами, заставленный солнечной мебелью из светлого дерева, выстеленный домоткаными коврами, залитый светом по утрам, таинственно шуршащий синевой в сумерках, до краев переполненный топотом босых ног и детскими голосами, звеневшими в недавнем прошлом, или только обещающими раздаться когда-нибудь годы спустя, или звучащими вот прямо сейчас, это как раз совершенно неважно, потому что такие дома стоят, прочно укоренившись во всех временах, наслаждаясь настоящим, черпая силу в прошлом, устремившись в будущее.

А тащить чудесные благоуханные травы в съемную комнату, больше похожую на походный шатер воина, уже не первый год осаждающего невидимую и, будем честны, никому не нужную крепость, было бы жалким мошенничеством. Сколько ни тверди: «Я тоже тут живу, как все», – себя, увы, не обманешь. Потому что прекрасно знаешь: не как все, почти не живу. И даже не то чтобы «тут».

Травница, похоже, прекрасно понимала, что невысокий мужчина в неизменной джинсовой куртке с небрежно собранными в хвост не то седыми, не то пепельными волосами, не ее клиент. Во всяком случае, никогда ничего не предлагала, кроме неизменной серебряной рюмки с липовым чаем, который заваривала в огромном термосе и потом целый день угощала покупателей и коллег. Кивала приветливо, говорила, что рада видеть, спрашивала ласково, как дела. Изредка позволяла себе заметить: «Лето, а вы все в городе. Неужели не хотите уехать в отпуск? Все ездят».

Вежливо отмалчивался, неопределенно пожимал плечами – дескать, и рад бы, да пока не выходит.

Про себя думал: «Господи, какой еще отпуск. Куда мне уезжать? Я же совсем недавно приехал. Семь звонких стеклянных лет, семь пустых оловянных лет, семь сонных деревянных лет назад. Всего-то».

На этот раз сказала прямо, без обиняков:

– Бледный вы совсем, лица на вас нет. Устали? Вам бы к морю хоть на недельку.

Хотел, как всегда, отмолчаться, отделаться ускользающей улыбкой – дескать, да, хорошо бы, а все же придется отложить на потом. Но вместо этого вдруг

сказал – тоже прямо, без обиняков, как она:

– Да какое море. Некому туда ехать. Чувствую себя даже не тенью собственной тени, чем-то гораздо меньшим. Столько лет уже нет меня. Столько лет. Устал быть мороком. Совсем запутался. Имя едва помню, да и то не уверен, свое ли. Хоть бы расколдовал кто.

Поглядела пристально. Усмехнулась:

– Расколдовать – это можно. Ну-ка, поглядим, что у меня сегодня есть.

Опомниться не успел, а она уже принялась рыться в своих мешках. Брала по щепотке, по листику, по цветку, складывала в бумажный пакет. Встряхивала его, чтобы все смешалось, сыпала дальше.

Подумал: «Господи, только этого мне не хватало. Кто за язык тянул? Теперь придется покупать. Денег-то не жалко, но куда девать такое добро? Будет годами пылиться на кухонной полке. Сам я чай не пью, тем более, травяной. И угостить некого – такая дурацкая жизнь». А она все отмеряла и сыпала, приговаривая:

– Семь звонких полуденных трав, семь пустых кладбищенских трав, семь сонных береговых трав. У меня давно все готово, столько лет вас ждет. Оно и неплохо, за эти годы травы настоялись, напились солнца, надышались тьмой, смешались с дождем, пылью, смехом и ветром, наслушались разговоров, навидались чужих бед и, самое главное, истосковались без настоящего дела. Какой крепкий будет из них настой. Одного глотка хватит, чтобы очнуться... Эй, да вы, как я погляжу, не собираетесь это пить? Гадаете сейчас – сразу выбросить в реку, или оставить пылиться на кухне? Так не пойдет. Был ошеломлен ее пронизательностью. Пробормотал:

– Извините. Я, честное слово, все выпью. Но зачем вы?.. Почему?

– Потому что сами попросили вас расколдовать, а я согласилась. Такими словами попусту не бросаются, – отрезала синеглазая травница. Помолчав, добавила: – И еще потому, что утопающий хватается за любую соломинку. А у меня как раз столько прекрасной сухой травы. И сегодня вся она в вашем распоряжении. Но до полуночи, не дольше.

Спросил:

– Сколько с меня?

– Все, что есть в вашем левом кармане. В правом, догадываюсь, телефон и ключи. Мне они ни к чему.

Пожал плечами. Пусть будет так. На рынок всегда брал с собой пятьдесят литов, их как раз хватает на все покупки, и еще чуть-чуть остается – ровно на чашку кофе, а больше и не надо.

Ну, сегодня, значит, не останется. Тоже мне горе.

Вынул из кармана приготовленную купюру и стеклянный шарик с мутно-белыми прожилками – давнымдавно нашел его в подъезде и с тех пор зачем-то всегда таскал с собой, не забывая вынуть перед тем, как отправить штаны в стирку. Положил на прилавок. Взял маленький бумажный пакет.

– Только не кипятком, – сказала вслед травница. – Пусть вода минут десять остывает. Потом можно заваривать. Все сразу. Нечего тут экономить. И выпейте залпом, за один присест.

Помидоры, конечно, так и не купил. И смородину. И творог. И ветчину с огурцами. Вообще ничего. Подумал: «И черт с ними». Пошел на берег, умылся молочнобелой, теплой, как кровь, речной водой, а оттуда – домой. То есть, на вершину холма, с которого недавно спустился, по темно-зеленым малахитовым ступенькам, которые всякий раз собирался сосчитать, но неизменно сбивался, дойдя до полусотни. Вот и сейчас – счет сбился одновременно с дыханием, пришлось остановиться, как всегда на полпути.

Над холмом парили дикие воздушные змеи, желтый июльский ветер сносил их к реке, но они упрямо возвращались на излюбленное место. Разомлевшие от жары горожане и туристы сидели и лежали на склоне, некоторые на предусмотрительно прихваченных из дома подстилках, некоторые падали прямо в траву, выгоревшую до бледно-розового цвета. Опустив глаза, обнаружил под ногами монетку в пять литов. Подумал: «Ну вот, без кофе все-таки»

не обойдется. Особо не разгуляешься, но на порцию лучшего в городе эспрессо хватит. Еще и сдача останется, будет что положить барристам в кружку, они хорошие ребята, что бы я без них делал все эти годы. Семь звонких стеклянных лет, семь пустых оловянных лет, семь сонных деревянных лет – в самом деле, что?» А так хоть кофе пил.

Всегда умел растянуть маленькую порцию кофе на почти бесконечное число глотков. Мог сидеть в кафе сколь угодно долго – полчаса, пять сигарет, до вечера, до закрытия. Для того, кому некуда себя девать, из всех искусств важнейшее – это. Но на сей раз и десяти минут над рюмкой эспрессо не просидел, бумажный пакетик с травами жег карман – не иносказательно, а натурально жег, был горячей раскалившейся на солнце металлической спинки стула; дыру, правда, так и не прожег, но к тому шло.

Вернулся домой, поднялся по скрипучей, в тугую спираль закрученной лестнице в свою мансарду, знойную и пыльную, как херсонские степи, и почти такую же пустую. Снял ее когда-то ради окон – пять штук, на все пять сторон света; прежде думал, таких квартир вообще не бывает, однако, чем выше забираешься, тем больше становится возможно – и это, конечно, касается не только жилья.

Поставил на огонь маленькую кастрюлю, в которой обычно варил яйца к завтраку. Сел на пол и принялся ждать. Желтый горячий ветер стучался в послеполуденное окно, как забытый на крыше кот. Не пустил. Нечего ему тут делать, и без него невыносимо жарко. Сказал: «Ты бы лучше зимой ко мне заходил, приятель, славно бы время провели». Впрочем, что толку разговаривать с ветром. Известно, что они всегда все делают по-своему.

Вода начала закипать. Погасил огонь, посмотрел на треугольный циферблат часов. Она говорила – кипятком не заваривать, десять минут остужать. Ладно, подожду.

Чайника в доме не было, пришлось насыпать траву прямо в кружку. Получилось почти три четверти. Крепкий будет настой.

Думал: «Ладно, к горьким микстурам нам не привыкать. Выпью. Мне на этот рынок еще ходить и ходить. А синеглазой не соврешь, она из тех, кто насквозь видит; здесь таких замуж не берут, потому что кому понравится быть всю жизнь

на виду, без единого завалящего секрета. Но я-то, я-то хорош, нашел, с кем шутки шутить.

Черт потянул меня за язык, не иначе». Подумал: «А вдруг и правда расколдует?» Знать бы еще от чего.

Первый глоток был горек до звона в ушах, от горечи второго почти остановилось сердце, от третьего рот онемел, как под наркозом дантиста, так что вкуса остальных не почувствовал вовсе, под конец захлебнулся, закашлялся и

Проснулся. Еще не повернув голову, знал, где и с кем. А повернув, увидел блестящие спросонок, темно-серые с золотым ободком, самые прекрасные в мире глаза. И не заплакал только потому, что заплакать – это слишком мало.

Сказал:

– Мне приснился самый страшный сон, какой можно вообразить. Мне приснилось, что тебя нет. То есть, вообще, в принципе нигде нет. До такой степени нет, что я о тебе не помню, потому что нечего помнить, прикинь. Но я при этом есть. И зачем-то без тебя живу. Семь звонких стеклянных лет, семь пустых оловянных лет, семь сонных деревянных лет. Трижды семь, в сумме выходит двадцать один год, не то что прожить – подумать страшно. Это был очень длинный сон. Дурак буду, если не забуду его немедленно. Обними меня.

Улица Одминю (Odminių g.)

Сто сорок девять дворов

Этот двор настезь открыт навстречу улице, от желающих бесплатно запарковаться в самом сердце Старого Города он отгородился не глухими железными воротами, а невысоким красно-белым шлагбаумом; еще совсем

недавно, говорят, не было и его.

Зато с тыла двор защищен довольно высокой глухой стеной, отделяющей его не от шумной проезжей части, а от тихих соседских палисадников. Неизвестно, из каких практических соображений построили эту ограду, но всем прохожим, идущим мимо по улице, кажется, будто там, за стеной в глубине двора, скрываются не деревья, крыши и храмы Старого Города, а море.

Вернее, так: никому ничего не кажется, каждый, кто идет мимо, знает, что за этой стеной море. Ноздри его щекочет запах йода и водорослей, а волосы ласкает теплый соленый ветер. Но уже секунду спустя наваждение рассеивается, и прохожий готов посмеяться над собой: надо же, чего только не примерещится, тебе явно пора в отпуск, дружище, бедный ты мой я.

Штука же в том, что море там действительно есть. Если зайти во двор и перелезть через стену – но не в любом месте, а в том, где бесчисленные трещины сходятся в большую ассиметричную звезду о восьми лучах – за стеной обнаружится не соседний двор, а пустынный пляж, где всегда царят теплые летние сумерки, лучшее время, чтобы искупаться.

Из книги Мартинаса Радкевичюса

«Неполный каталог незапертых дворов»

* * *

– По-моему, мелкий, ты перегнул палку.

За соседним столиком сидят мальчишки. Одни, без взрослых. Старший, впрочем, уже может с некоторой натяжкой считаться подростком, на вид ему лет двенадцать-тринадцать. Младшему примерно пять-шесть, и выглядит он как типичное горе луковое, вихрастая личинка антихриста, такие обаятельные детские физиономии хороши в мультфильмах, в жизни же они скорее настораживают.

Сидит, впрочем, смирно, пьет апельсиновый сок из большого пластикового стакана, столы не переворачивает, пирожными не кидается, даже в кофе пока

никому не плюнул, но эта идиллия подозрительно смахивает на временное затишье перед бурей.

Наверняка братья, хотя особого сходства между ними нет. Но какие еще резоны могут заставить подростка таскать за собой такую малышню? Да еще и в кафе водить.

– Хорошо хоть пингвины с единорогами сегодня по улицам не шастают, – говорит тем временем подросток. – И драконы не летают. Спасибо тебе и на этом.

Надо же, сказки рассказывает. Братья, братья, без вариантов. Причем старший – герой, подвижник и вообще большой молодец. Я бы на его месте и в его годы... Да ни за что, хоть режьте!

– Пожалуйста, – кротко отвечает младший. И еще что-то добавляет, так тихо, что не разобрать.

Но у старшего голос громкий, не захочешь – услышишь.

– Эспрессо ему подавай, – возмущается он. – Детям, к твоему сведению, нельзя крепкий кофе. Слабый, впрочем, тоже нельзя.

– А что будет, если я его все-таки выпью?

– Ну, например, сердце начнет стучать быстро-быстро. Голова закружится. А может вообще в обморок упадешь, кто тебя знает.

– Ух ты! – восхищенно выдыхает личинка антихриста. – В обморок! Хочу!

– Обойдешься, – твердо говорит старший. – Эспрессо ему. Ты бы еще сигару потребовал. Сам захотел быть маленьким, теперь играй по правилам.

Интересные какие у них сказки. «Сам захотел» – ишь. Можно подумать, у кого-то есть выбор.

* * *

Почти каждому, кто заходит в этот двор, мерещится, будто он уже жил здесь прежде. Даже тому, кто впервые прибыл в Вильнюс утром текущего дня, вдруг начинает казаться, что вон за той деревянной дверью без номера – дом его детства, или съемная комната студенческой юности, или, к примеру, бывшая бабкина квартира, куда приезжал каждое лето на каникулы, пока были живы старики.

Люди обычно тяжело переносят подобные конфликты памяти и здравого смысла. Поэтому подавляющее большинство поспешно уходит отсюда в смятении, но некоторые любопытные смельчаки все же решаются задержаться и даже постучать в бывшую свою дверь. Им всегда отпирают, а дальше – по обстоятельствам. Гости могут пригласить в дом, не требуя объяснений, могут с вежливым интересом выслушать на пороге, дать разумный совет, или незначительное поручение, сделать подарок или, напротив, попросить что-нибудь на память о случайной встрече. Наверняка известно одно: если уж постучался в дверь, надо соглашаться со всем, что тебе там скажут, и делать, что велят, ибо нет на свете игры сложнее и серьезней, чем та, в которую ты теперь вовлечен.

Из книги Мартинаса Радкевичюса

«Неполный каталог незапертых дворов»

* * *

Вопреки моим опасениям, младший мальчишка, лишенный восхитительной возможности отравиться эспрессо, продолжает мирно пить сок, вместо того, чтобы в гневе поливать им окружающих. Включая меня. Вернее, начиная с меня, очень уж близко к источнику опасности я располагаюсь. Хоть пересаживайся.

А кстати, можно бы и пересесть. Например вон за тот дальний столик. От греха подальше. На мне новые льняные штаны, прекрасные, как чужая мечта; ничего не имею против того, чтобы отправить их в стирку, скажем, послезавтра. Но прямо сегодня, не дожидаясь вечера – перебор.

Но тут старший мальчик строго говорит:

– Ты лучше скажи, зачем столько дворов наизнанку вывернул?

И я остаюсь на месте. Не знаю, угодит ли юный сказочник непоседливому братцу, но меня он заинтриговал окончательно и бесповоротно. Теперь буду подслушивать, пока опустевшие чашки не разлучат нас.

– Пара-тройка – ладно, пусть десяток – вполне допустимо, – продолжает он. – и даже полезно для всякого города. Но сто сорок девять, мелкий. Сто сорок девять дворов! Я считал. Какого черта?

– Ну так они же были совершенно ужасные, – отвечает младший. – Заходишь, и сразу становится тааак тоскливо! Хоть плачь. А некоторые люди всю жизнь там живут, от рождения до самой смерти, представляешь? А другие просто ходят мимо – тоже не сахар. И им с каждым днем становится все тоскливее, а плакать они уже давно разучились, так что вообще никакого выхода. Но я все исправил!

– Да уж. Исправил – не то слово. А сколько народу теперь нам на голову свалится, ты подумал?

– Ой, да никто никуда не свалится. Они и не заметят ничего. Ну, может, кто-нибудь иногда, если очень повезет. Пару раз в год, например. И это будут хорошие гости. Удачливые и храбрые. Представляешь, как они удивятся? И как удивимся мы. Жалко тебе, что ли?

Такой важный и рассудительный как будто роль играет. Когда-то я смотрел забавный кинофильм, где дети изображали взрослых гангстеров, джазменов и певиц[14 - «Багси Мэлоун» (англ. Bugsy Malone) – фильм Алана Паркера, мюзикл-пародия на тему гангстерского Чикаго, примечательный тем, что все роли в нём исполняют дети, а убийства совершаются из крем-автоматов кремом для тортов.]. Маленькие актеры были чрезвычайно убедительны, но, кстати, без драки кремовыми тортами в финале все равно не обошлось. Так что лучше бы мне не терять бдительность.

Старший мальчик тем временем вздыхает и качает головой. Молча. А жаль. Так интересно мне не было с тех пор, когда мы с другом Мишкой сидели на чердаке его дома, среди развешенных на просушку простыней и ждали, когда

появятся хоть одно из обитающих тут привидений, о которых по большому секрету рассказала нам Мишкина старшая сестра Беата.

Так и не дождалось, кстати. До сих пор обидно.

– Совсем не обязательно вот так беспокоиться, – говорит младший мальчишка. – Что сделано, то сделано. А дальше – как получится. Зачем портить себе удовольствие? Нечестно, если только мне весело, а тебе – нет. Мы так не договаривались.

– Дворы в промышленном количестве наизнанку выворачивать мы тоже не договаривались, – ухмыляется старший.

– Конечно, не договаривались. Потому что и без всяких договоров заранее ясно, что так все равно будет. Они же практически сами при виде меня выворачиваются. Но до сих пор это всегда было к лучшему, скажешь, нет?

– Смотря что считать «лучшим»... Ай, ладно. Что сделано, то сделано, действительно. Чего это я.

В этом дворе есть ветхая беседка, построенная под старыми яблонями. В беседке стоят две лавки и стол. Стол в любое время года усыпан мелкими зелеными яблоками; если взять одно из них, вытереть, как в детстве, рукавом, и откусить, обнаружишь, что слаще этого яблока нет ничего на земле.

Съев яблоко, следует взять с собой косточки и закопать их в землю в своем дворе или любом другом месте, какое покажется подходящим. Яблони из этих семян вырастут быстро, им не будут страшны ни морозы, ни засуха, ни насекомые, ни болезни, а посидев под их сенью хотя бы несколько минут, любой человек сможет избавиться от печалей и тревог, даже тех, для которых есть серьезные основания.

К сожалению, в наше время мало кому приходит в голову сажать семена, в противном случае, весь город с окрестностями давно уже стал бы островом радости и покоя.

* * *

Мне очень хочется вмешаться. Сказать: «Мальчики, о своем поведении вы распрекрасно можете поговорить дома. А здесь, сейчас, пока я вас подслушиваю, извольте рассказывать интересное. У меня кофе осталось едва на донышке, надолго эти слезы не растянешь. Не заказывать же еще одну чашку, тем более, что в этом дурацком летнем кафе на Одминю варят, как выяснилось, исключительную, бессмысленную бурду. А я еще сказку хочу. Я их, кажется, тысячу лет уже не слушал. Что там у вас в запасе, кроме драконов, единорогов и вывернутых наизнанку дворов? И кстати, что это означает – наизнанку? Швами наружу? И что это за швы, если речь идет не о штанах, а о дворах? Давайте, выкладывайте, да поскорей.

– На самом деле я бы тут еще пару-тройку сотен дворов наизнанку вывернул, – мечтательно вздыхает младший мальчишка. – Но с запертыми никакого смысла возиться.

– Твоя правда, – кивает старший. – Все-таки запирают дворы – дурацкая затея. Все равно что здоровую руку туго перевязывать, препятствуя течению крови. Что люди не могут гулять, где захотят, это еще полбеды, но от городов, где запертых дворов больше, чем открытых, отворачиваются обидчивые ветры, а это уже настоящая катастрофа. К счастью, всегда остаются окраины, спальные районы с огромными общими дворами, которые захочешь – не обнесешь забором, не запрешь. Это хоть как-то выравнивает баланс.

Надо же, как они рассуждают. Запертые дворы в Старом Городе и меня огорчают до невозможности, всегда кажется, что там сокрыто самое интересное, и ужасно обидно, что нельзя поглядеть. Выходит, мое мнение разделяют ветры и эти странные дети, которые с каждой минутой нравятся мне все больше. Хоть действительно вторую чашку скверного кофе заказывай, лишь бы никуда отсюда не уходить.

В этом дворе, когда ни зайди, непременно встретишь старушку, которая сидит на лавке, окруженная клубками разноцветной шерсти, и вяжет длинный

узорчатый шарф. От дождя старушку и ее рукоделие защищает деревянный навес, когда становится темно, она зажигает керосиновую лампу, если холодает, надевает валенки и пестрые перчатки-митенки; впрочем, даже в самый лютый мороз, когда не заводятся автомобили и отменяют занятия в школах, температура воздуха в ее дворе едва ли ниже нуля. Хорошо, что об этом почти никто не догадывается, а то цены на квартиры в ветхих двухэтажных домах, чего доброго, подскочили бы до небес.

Старушка обычно не обращает внимания на посторонних, но изредка все же поднимает голову от вязания и, глядя прямо в глаза незнакомцу, требовательно спрашивает: «Синий или зеленый?» А то и вовсе: «Какой сейчас цвет?» И, получив ответ, берет соответствующий клубок.

Говорят, будто узоры, которые вывязывает старушка, непостижимым образом влияют на ход истории – то ли самого Вильнюса, то ли какого-то иного неведомого города. Есть, впрочем, версия, что она просто вяжет шарф вымышленному внуку, который непременно вернется домой в тот день, когда работа будет закончена.

Из книги Мартинаса Радкевичюса

«Неполный каталог незапертых дворов»

* * *

Личинка антихриста тем временем начинает беспокойно ерзать на стуле и как-то подозрительно на меня коситься. Неужели заметил, что я их подслушиваю? Странно, обычно мне удается сохранять более-менее невозмутимый вид. А сейчас еще и телефон держу в руке, со стороны должно казаться, будто я что-то сосредоточенно там читаю. Очень удобная штука эти телефоны, а все-таки обычная газета гораздо лучше – развернув ее, можно укутаться практически с ног до головы, не опасаясь, что ваше лицо станет в какой-то момент слишком уж заинтересованным.

И, кстати, если уж на то пошло, я вообще никого не подслушиваю. А просто сижу в летнем кафе на Одминю, не спеша пью кофе и заодно слышу доносящиеся до меня голоса. Не затыкать же демонстративно уши, ну в самом деле.

Мальчишка что-то неразборчиво шепчет на ухо брату, тот хмурится и громко спрашивает:

– Мелкий, ты что? Зачем?!

– Иногда должно случаться и такое, – отвечает тот. – С тем, кому повезет, в городе, которому посчастливится. Это же как лотерея. Не обязательная, но возможная для всех, в любой момент, в каком угодно месте. Родиться – все равно что купить билет. А дальше – как получится.

Боюсь, к этому моменту от моего якобы невозмутимого вида уже и следа не осталось. Ну да что тут поделаешь.

Если в этот двор случайно забредут влюбленные, и один из них скажет: «Я тебя люблю», – второй ничего не услышит. Невелика беда, прочтет по губам, увидит в глазах, поймет, расшифровав ритм сердечных ударов. Зато когда много дней спустя во двор зайдет одинокий человек, он, если остановится там хоть на миг, непременно услышит: «Я тебя люблю». И улыбнется неведомо кому, и уйдет – спасенный.

Из книги Мартинаса Радкевичюса

«Неполный каталог незапертых дворов»

* * *

Рыжий мальчишка залезает на стул, а потом и на стол – с ногами. Поднимает руки, и я вдруг понимаю, что он не просто так сжимает кулачки, а держится за конец толстого каната, свисающего... А откуда, собственно говоря?

Ну, в общем, откуда-то свисающего. Не с неба же, в самом деле.

И мальчишка начинает по этому канату карабкаться. Только не спрашивайте меня, куда именно. Я и сам себя об этом спрашивать поостерегусь. Просто по канату. Вверх, точка.

Люди за соседними столиками не обращают на его выходку никакого внимания, только братец укоризненно качает головой, да я сижу с распахнутым ртом, как последний дурак. Или как первый. Смотри, с какого конца нас, дураков, считать.

Одолев несколько метров бесконечного пути к небу, мальчишка останавливается и заговорщически мне подмигивает. И зачем-то показывает язык. И громко говорит:

– «Изнанка» – это просто та часть правды, которая не на виду. А «наизнанку» – это значит, что все секреты вдруг оказываются снаружи. Чего тут непонятного, Мартинас?

И лезет дальше. Я смотрю, а он все лезет и лезет, а я все смотрю и смотрю, пока не понимаю, что больше ничего не вижу, потому что из глаз текут слезы – с чего бы, интересно?

Похоже, я просто слишком долго смотрел в небо, напрочь забыв о необходимости иногда моргать.

Проморгавшись всласть и утерев слезы салфеткой я, конечно, обнаруживаю, что ничего нет. Ни противного рыжего мальчишки, ни дурацкой веревки, ни, кстати, его брата-сказочника. Этот-то, интересно, куда делся? Просто встал и ушел? По всему выходит, что так.

«Чего только не примерещится от жары и скуки», – почти сердито думаю я. И тут же обрываю себя: «Цыц, дурак! Почему это сразу – «примерещилось»? Есть другой прекрасный глагол: «произошло». Чего только не происходит время от времени, да? По-моему, так гораздо лучше».

В кои-то веки у меня есть возможность выбирать.

«Для галлюцинации, – думаю я, – это как-то чересчур глупо. Зато для события, случайного эпизода, крошечного фрагмента жизни – в самый раз. Чего только порой не случается, ну правда».

«И кстати, – думаю я, – это можно проверить. Согласно моей галлюцинации, сто сорок девять незапертых дворов в центре города вывернуты наизнанку. Секретами, стало быть, наружу – что бы это ни означало. Целых сто сорок девять, эй! Если задаться целью найти хотя бы один, вряд ли это окажется так уж сложно. Ну или дня через три станет окончательно ясно, что никаких мальчишек не было, и несли они при этом полную чепуху. Что вполне простительно – поди расскажи что-то толковое, когда ты – просто чужая галлюцинация».

«Стоп, – говорю себе я. – Ничего подобного мне ясно не станет. Ни через три дня, ни через неделю, ни через год. Никогда. Если уж в кои-то веки у меня есть возможность выбирать, я выбираю, что мальчишки – были. И дворы найдутся. Возможно, не все сто сорок девять, но кое-что найдется, а дальше – как получится.

На что спорим?»

На весь мир и новые коньки, как обычно.

* * *

В дальнем конце этого двора стоит стопка узких высоких зеркал, целых, но так потемневших и искривившихся от непогоды, что иной любопытный прохожий, заглянув в одно из них, чего доброго, не узнает свое отражение. И, кстати, будет совершенно прав: оно и есть чужое. И, строго говоря, вообще не отражение, а отдельное самостоятельное существо, одно из обитателей зазеркального пространства, всерьез говорить и даже думать о котором у людей не принято; это табу изредка нарушают лишь дети, безумцы и математики.

Бояться в любом случае не надо. Подсматривающие за нами с той стороны вовсе не враждебны человеку, они, как говорится, не «злы»; впрочем, и не «добры» в общепринятом значении этого слова, просто любопытны. Однако следует знать, что взгляд зазеркальных соглядатаев целителен, и всякий, кому посчастливилось быть замеченным, станет тем прекрасным существом, которое увидели их беспристрастные, привычные к чудесам глаза – самим собой.

Из книги Мартинаса Радкевичюса

«Неполный каталог незапертых дворов»

Улица Палангос (Palangos g.)

Например, позавчера

Жилье искал недолго.

Строго говоря, вообще не искал. Взял первую же квартиру из предложенного списка – красивый старый дом горчично-желтого цвета в самом центре города, все положенные удобства, кухня и стиральная машина на месте, белые стены, большие окна, хозяева постоянно живут за границей, оплата через банк. Чего еще желать.

К тому же сдавали квартиру дешево, даже по местным меркам. Красивая девушка-риелтор сказала, здесь очень давно никто не жил.

– Сперва была долгая-долгая тяжба за наследство, – объясняла она, пока ехали в какое-то специальное отделение банка, работающее по субботам, – а потом новые владельцы несколько лет не могли найти жильцов. Хорошая квартира, вы сами только что видели. Не роскошная, но в своей ценовой категории, безусловно, одна из лучших. А клиенты сразу разворачивались и уходили, даже толком не посмотрев. Не нравится, и точка. Почему – бог весть... Что? Над хозяевами тяготело страшное проклятие лишенной наследства родни? Хорошая версия. Но скорее всего, им просто не везло.

Горько ухмыльнулся про себя: «А уж со мной-то как повезло беднягам – подумать страшно. Как ни крути, а свинью я им подложу изрядную».

Но благоразумно промолчал.

В банке перевел на хозяйский счет аванс за два месяца, получил от прекрасной посредницы свой экземпляр договора и связку ключей, забрал вещи

из гостиницы, назвал таксисту свой новый адрес: «Улица Палангос», – приехал, поднялся на последний этаж, заперся, перевел дух – все, дело сделано. Чур я в домике.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Томас Манн «Доктор Фаустус», перевод с немецкого С. Апта и Наталии Ман.

2

Ответ Бодхидхармы на вопрос императора Лян Уди о главной истине Учения.

3

Цитата (без явного повода) отсылает нас к «Речам Высокого» из «Старшей Эдды»:

Знаю, висел я

в ветвях на ветру
девять долгих ночей,
пронзенный копьем,
посвященный Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых.

4

Песня Queen из альбома «Innuendo» (1991 г.)

5

Группа, основанная в 2008 г. музыкантами из Кейптауна (ЮАР), родоначальники
стиля «zef-гар».

6

Люкке Ли (швед. Lykke Li) – шведская певица. Выпустила два студийных
альбома: Youth Novels (2008) и Wounded Rhymes (2011).

7

Скриллекс (Skrillex) – псевдоним американского бростеп-музыканта и продюсера Сонни Джона Мура. В 2012 году Скриллекс попал на второе место в топ-10 самых высокооплачиваемых диджеев мира по версии Forbes.

8

Речь о картине бельгийского художника-сюрреалиста Рене Магритта «Репродуцирование запрещено», на которой изображена описанная сцена: человек стоит перед зеркалом и видит там отражение своего затылка.

9

Русский адмирал Василий Чичагов дважды (в 1765 и 1766 годах) пытался продвинуться севернее Шпицбергена, но достиг только $80^{\circ}30'$ северной широты.

10

На барке «Жаннетта» (Jeannette) в 1879 году пыталась достичь Северного полюса (из Сан-Франциско через Берингов пролив) американская экспедиция Джорджа Де-Лонга. Недалеко от острова Врангеля в Северном Ледовитом океане «Жаннетта» была окружена льдами. На протяжении 21 месяца вмерзший в лед корабль дрейфовал на северо-запад, постепенно приближаясь к Северному полюсу. 12 июня 1881 года «Жаннетта» не выдержала давления льда, дала течь и затонула; экипажу удалось спастись.

11

Согласно поверьям многих народов, в тех местах, где радуга касается земли, можно найти клад.

12

Заречье – дословный перевод названия района Ужупис (лит. Uzupis), расположенного в самом центре Вильнюса, за речкой Вильняле.

13

Выражение «genius loci», которое обычно переводится с латыни как «гений места», в Древнем Риме употреблялось в значении «дух-покровитель места».

14

«Багси Мэлоун» (англ. Bugsy Malone) – фильм Алана Паркера, мюзикл-пародия на тему гангстерского Чикаго, примечательный тем, что все роли в нём исполняют дети, а убийства совершаются из крем-автоматов кремом для тортов.

Купить: <https://telnovel.com/ru/maks-fray/skazki-starogo-vil-nyusa-ii>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)